

Лозова Наталья Викторовна

Процурни
гарантирован
правилаи игри

16+

Наталья Викторовна Лозова
Проигрыш гарантирован
правилами игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64376492

SelfPub; 2021

Аннотация

В городе Иркутске пожилая женщина пытается победить “рак”. За ее жизнь борется взрослая дочь с молодым любовником. Им троим противостоят непробиваемые врачи, повсеместная бюрократия, застойность, стереотипность мышления и т. д. Выиграют ли они этот бой со смертью или нет?

Наталья Лозова

Проигрыш гарантирован правилами игры

Глава 1

Моя мама была эффектной женщиной. Полноватая крашеная блондинка с красивым лицом, большой грудью, безупречным внешним видом (прическа, макияж, маникюр, педикюр), в стильной и модной одежде собственного изготовления, на высоченных каблуках, с неповторимым шармом и обаянием (чего стоил ее фирменный слегка прищуренный взгляд из-под накрашенных ресниц) привлекала внимание мужчин, что приводило в бешенство моего отца, он ревновал.

Вопреки расхожему мифу о цвете волос, она была далеко не дура, от ее метких метафор мы с папой не раз подпрыгивали до потолка, но крыть было нечем. Никогда не забуду физическое ощущение собственной тупости в те моменты.

Ее единственным недостатком была категоричность суждений. Черное или белое – других цветов для нее не существовало, что стало краеугольным камнем в наших с ней отношениях. И чем старше я становилась, тем больше расширялась пропасть непонимания между нами.

У нее была любимая работа (она ушла на пенсию с долж-

ности диетической сестры в доме ребенка, на которой проработала более 20 лет), но личная жизнь не задалась – отсутствие гибкости мышления не позволило ей создать гармоничные супружеские отношения. Это был брак-война, не предполагавший заключения мирного договора. Только позорный плен "врага".

Мой папа – типичный русский мужик. Его мама преданно ждала своего мужа возле двери ванной комнаты с семейниками, чтобы отмытый Вася (мой дед) надел чистые трусы и не заморачивался необходимостью взять их с собой заранее. Кузнец атлетического телосложения, воспитанный на таких примерах, как он мог отреагировать на явное поползновение доминировать со стороны моей мамы: "Баба, знай свое место".

По факту, она его любила больше жизни, но принять таким, какой он есть, не смогла. Гордость не позволяла.

Работа, быт, безуспешные попытки изменить партнера, воспитание дочери, день за днем, год за годом – и наступила старость.

Подрастают внуки, убило током на даче любимого и одновременно ненавидимого супруга, и состояние здоровья ощутимо ухудшилось...

Много времени было потрачено на уговоры. Она отказывалась переезжать ко мне. Я не понимала тогда, что она не хотела уезжать из родного дома, где ее окружали знакомые, дорогие ее сердцу вещи и воспоминания. Только диагноз

“рак” заставил ее уступить.

В канун Нового 2016 года я перевезла мать с ее нехитрым скарбом из Ангарска в свою трехкомнатную квартиру в Иркутске на своей маленькой машинке. Дети и бывший муж жили в Санкт-Петербурге из-за отсутствия адекватно оплачиваемой работы и перспектив в холодном, неприветливом, но боготворимом мной крае – Сибири.

Я тогда (используя язык протоколов) сожительствовала с молодым любовником из Узбекистана. Разница в возрасте составляла 15 лет.

Иногда в голову закрадывается мысль: бог не оставляет меня в трудный час и посылает мне на помощь своих слуг. В тот раз от него был направлен восхитительный, веселый и легкий на подъем смуглый парнишка. Мы с ним познакомились на сайте знакомств, название которого уже исчезло из моей памяти.

Его история проживания на территории России достойна особого внимания. Он, не владея русским, приехал за длинным рублем к своему другу и наставнику на заготовку леса в какой-то воруйке в качестве водителя лесовоза.

В таких сомнительных конторах использовались преступные схемы добычи древесины, и крышевали их местные крупные полицейские чины. Итогом интриг и войн между конкурирующими группировками стала облава миграционной службы на участке лесозаготовки. Документы, дающие право на работу в России, у моего любовника были просро-

чены.

Во время проверки он пустился в бега, и его гнали по тайге выстрелами, как дикого зверя.

В любом боевике погоня – увлекательное зрелище, но, к сожалению, не для того, кто убегает. Тайга, бурелом, длинноногий парень пытается уйти от преследователей, те в него стреляют и в итоге загоняют в ловушку. И это не охотники за головами на Диком Западе начала прошлого века, это сотрудники миграционной службы отстреливают безоружного мигранта в России в 21 веке. Его поймали и поместили в спецприемник.

Мне нестерпимо стыдно, что в угоду российскому криминалу коррумпированные чиновники позволяют завозить бесправную и дешевую рабочую силу с постсоветского пространства без каких-либо ограничений. Это разжигает межнациональную вражду, ведь приезжие вынуждены демпинговать и соглашаться на работу буквально за копейки. Кроме того, наличие бездомных, бесправных и безденежных людей из ближнего зарубежья усложняет и без того тяжелую криминогенную обстановку в стране.

Затем было судебное разбирательство. В перерыве заседания он выпрыгнул со второго этажа здания суда. При приземлении растянул связки голеностопа, и ему было больно двигаться. Но он убежал. Не знаю, что вдохновляло его тогда – пьянящий запах свободы, страх или что-то другое.

Отбежав на безопасное расстояние, беглец попросил у

случайного прохожего телефон и позвонил другу. Тот его не бросил, вызвал такси, дал кров и еду на весь период выздоровления.

Позднее состоялось наше знакомство, во время которого мой будущий замечательный партнер делал мне комплименты на моем родном языке с приятным акцентом. Русский он выучил самостоятельно, просто общаясь с носителями, без учебников и учителей. И даже освоил письмо!

Несмотря на очень сложный мамин характер, они с Женькой (русский вариант труднопроизносимого узбекского имени) быстро подружились.

Но вернемся к повествованию о переезде мамы ко мне.

Буквально за час мы закончили ее благоустройство на новом месте – развесили картины, расставили хрустальные вазы в соответствии с ее художественным вкусом, на прикроватном столике разложили лекарства и косметику, белье и одежду разложили по полочкам в шкафу и записались на прием к врачу-онкологу на первый рабочий январский день в новом году.

31 декабря по традиции мы с ней наготовили много очень вкусной и сытной еды: разнообразные салаты, запеченную в духовке курицу, картофельное пюре.

Около трех часов дня она почувствовала сильную боль внизу живота. Мы вызвали скорую помощь, которая приехала через полтора часа. Эскулап со скорой долго изучал историю заболевания по выпискам из ангарских лечебниц, опра-

шивал и осматривал маму. Затем попросил поставить медсестру укол с обезболивающим.

– Это всё? – обомлела я.

– Пусть терпит, или везите в центр онкологии, я бессилён, – кратко, но емко ответил тот.

Парочка медиков удалилась, видимо, праздновать Новый год, оставив меня наедине с больным человеком, которому я не в состоянии была помочь.

Мы оделись, оседлали мою машинку и с ветерком добрались до онкоцентра.

Холл больницы меня приятно удивил: свежий и качественный ремонт, современная, удобная, комфортная обстановка, новое оборудование и, прямо скажем, доброжелательный персонал.

К нам подошел дежурный доктор, представился и поинтересовался, чего мы хотим. Я вкратце обрисовала ситуацию. Затем он осмотрел маму, пробежался по ее диагнозам и другим медицинским документам, порекомендовал приехать по записи в следующем месяце.

На мой безмолвный вопрос: "И куда нам сейчас?" – я получила ответ:

– Я выпишу направление в областную больницу для госпитализации, так как ваша мама зарегистрирована в другом населенном пункте. Затем он предпринял попытку успокоить нас:

– Вы не переживайте. Ее возраст (68 лет) в данный мо-

мент ее же и спасает, замедленное деление клеток на дает раку распространяться по организму с высокой скоростью. Ей нужно только обезболивание, а в январе мы сделаем полное обследование и подберем оптимальную тактику лечения. Простите, мы переполнены и не имеем возможности ее разместить.

Мы опять в машине и долго едем по пустынным предновогодним улицам города, затерянного в Сибири, до очередной цели – комплекса высоток, окруженных забором – областной больницы. Ровно в четверть восьмого мы переступили порог этого не гостеприимного учреждения.

Помещение приемного отделения вызывающе контрастировало с предыдущим. Нищета. Стены непонятного, давящего сине-зеленого цвета. Зеленая краска использовалась для камуфлирования военной техники и окрашивания пассажирских вагонов на железной дороге. Синий цвет применяли на автомобильных заводах – красили кабины грузовиков ЗИЛ и ГАЗ. В военной промышленности деньги никогда не считали, в результате после войны на складах осталось великое множество банок с этими красками. Креативный ум послевоенных менеджеров и сотворил этот непередаваемый оттенок путем смешивания содержимого двух банок и окрашивания им жилых и бытовых помещений. Я задаю себе один-единственный вопрос: "Неужели эта краска до сих пор не кончилась?" Она вызывает у меня стойкий рвотный рефлекс еще с детства. К тому же в приемном отделении бы-

ла убогая мебель из дерматина и железа.

Третий осмотр врача, после которого мы еще какое-то время ожидали решения – примут больную и корчащуюся от боли женщину или нет. Мама прилегла на одну из жалких лежанок в обшарпанной палате. Она устала и задремала, а я залипала в соцсетях, просматривая какие-то желтые новости. Затем она проснулась и методично, со знанием дела начала капать на мой измотанный мозг.

– Сходи, узнай, когда они меня положат...

– Что они решили?...

И тому подобное.

Ее нервное напряжение переросло в болевые ощущения, и у меня не осталось выбора, я пошла через коридор просить ее обезболить

Медицинский персонал располагался в отдельном помещении, из которого меня выставили. Как бы "вежливо" попросили подождать за дверью. Но я была счастлива остаться в коридоре, потому что не намерена была показывать маме свой страх. Ей требуются силы для борьбы со смертельным недугом, и моя расстроенная рожа (вместо счастливого и веселого празднования Нового года нам выпало хождение по мукам) вызвала бы у нее тревогу и волнение. Ей это сейчас не нужно.

Аллилуйя! Недолгий консилиум все-таки принял решение поставить маме укол обезболивающего.

Я повела ее, шатающуюся и слабую, в процедурный каби-

нет. В приемном отделении областной больницы не было инвалидных колясок: больные обязаны ходить на своих ногах, либо перемещаться на каталках – третьего не дано.

После укола мама опять затихла и уснула. А я уже слушала какую-то попсовую музыку. Я чувствовала дикую усталость и мечтала об отдыхе, но расслабиться в той обстановке не представлялось возможным.

Наконец я услышала приближающийся непонятный звук и шаги. Прошло уже около трех часов с момента нашего прибытия в больницу. В комнату ввалилась санитарка с инвалидным креслом:

– Собирайтесь, ложут вас, – и она демонстративно отвернулась, как бы говоря: “Вставайте сами, грузитесь, как хотите, тут и без вас забот хватает”.

Хамское поведение младшего медперсонала великолепно описано еще Зощенко, но поражает сам факт: прошел почти век, и ни-че-го не изменилось (80 лет минуло после публикации этого гениального рассказа в издательстве "Крокодил").

Коридор-лифт-коридор, и мы в палате. Я быстро заправила постель, уложила на нее изможденную маму, постаралась создать комфорт вокруг, благо мы с ней заранее собрали большую сумку необходимых вещей. Затем чмокнула в щеку родного человечка, поздравила ее с наступающим Новым годом, закрыла за собой дверь и только сейчас смогла в полной мере осознать, как страшно я устала.

От напряжения и длительного самоконтроля отказался

работать мозг, вследствие чего анализ информации и рефлексы были заторможены. Только пустые предновогодние дороги позволили мне добраться до ночлега и избежать аварии.

Дома Женьке достался невинный поцелуй и предложение встречать Новый год в гордом одиночестве, а я упала на кровать и тут же отключилась. Как будто умерла часов на десять.

Глава 2

Наступление Нового года я отметила на следующее утро. В программе празднования были: утренний великолепный секс (обожаю, когда меня теплую, мягкую, плохо ориентирующуюся в пространстве и полусонную доводят до оргазма), продолжительные водные процедуры в виде душа, ну и вкусная еда. Затем я нафасовала в контейнеры праздничные блюда для мамы, и мы с Женькой рванули к ней. Там нас не хотели пускать, бубнили что-то про время посещения, но им была предъявлена непробиваемая версия – спешная доставка для прибывшей вчера больной, а именно: личные вещи и необходимые лекарства. И нас пропустили в здание больницы.

Мать лежала на железной скрипучей кровати, как и остальные семь женщин. Серость и кричащую нищету обстановки украшали только постельное белье и личные вещи пациентов, которые они привезли из дома.

Она капризничала, ей все не нравилось: большие разме-

ры тары (вывод больной – я не хочу часто навещать ее), что я пришла сюда с любовником, что я не рада ее видеть. Претензии в мой адрес летели, как пули, я не могла их все даже запомнить, но ощущала медленное внутреннее закипание.

Женька обладал удивительной способностью чутко реагировать на мое настроение. И в этот раз он переключил ее внимание на себя стандартными вопросами: как она себя чувствует, как отпраздновали Новый год и т. д. Приятный тембр его голоса успокоил маму, и у меня появилась возможность свалить из палаты под предлогом: в туалет срочно нужно. Глубокий вдох, выдох, и опять вдох. Через 10–15 минут я нашла в себе силы возвратиться обратно. Разговор между ними подошел к логическому завершению. Мы пообещали приехать завтра и покинули стены этого неприятного заведения.

Предупреждая многочисленные вопросы о том, кто финансировал Женькину жизнь, превентивно отвечаю на них. Я приобретала еду и бензин для машины, одежду он покупал на свои деньги. Слышу громкие возгласы осуждения: старая кляча содержит молодого любовника, но мне пофиг. Что сейчас, что тогда. Это было очень выгодно, за скромный продуктовый набор я имела многое.

1. Сиделку для капризной и неуправляемой престарелой дамы и компанию для нее же. Он был единственным, чьи действия не вызывали у нее раздражения. Я пыталась нанять ей профессионала, но она забраковала всех. Женька мог с

ней говорить, а самое главное – слушать. И учитывая, что мне приходилось много и тяжело работать, он хоть как-то нейтрализовывал ее чувство полного одиночества.

2. Отличного друга и любвеобильного мачо (долго думала, что же все-таки поставить на первое место).

3. Опытного водителя на случай моей усталости или стрессового состояния.

4. Инициативного помощника в быту.

Но мы отклонились от основной темы. Десять дней мама провела в лечебнице, и мы ее навещали почти каждый день. А потом она возвратилась домой, и на следующий день мы поехали на прием к онкологу.

Глава 3

В первый рабочий день в новом году я не поехала на службу, как обычно, и не отпросилась у начальника – по той простой причине, что ненавидела его за бесконечные оскорбления и унижения человеческого достоинства – а попросила своих подчиненных прикрыть меня и сообщить мне в случае изменений в рутине, внепланового совещания или другой хрени, требующей безотлагательного присутствия на галерах. Девчонки пошли мне навстречу. Правда, пришлось натянуть ненавистную и неудобную форму с майорскими погонами, чтобы быть готовой идти в бой за Федю, лося и младенчество.

Захватив тонну макулатуры, информирующей о маминых

болезнях (в 2016 году медицинские работники в России, видимо, не имели доступа к компьютерам), мы отправились на плановый прием к онкологу.

По дороге от дома до онкоцентра я подвергалась атаке материнских воззрений на мое "искусство" управления автомобилем и мою способность делать все через жопу.

Дверь кабинета врача-онколога и небольшая очередь освободили меня от необходимости выслушивать постоянные обвинения в свой адрес. На людях она умолкала, но это было ненадолго, ей мучительно было сидеть из-за недуга позвоночника, а громоотводом была я. Мое предложение купить корсет не нашло у нее поддержки, потому что она до сих пор ощущала себя покорительницей мужских сердец. Красотка в медицинском корсете – это не ее стиль.

Загорелась табличка с надписью "Войдите", и вот мы в заветном помещении. Я вздохнула полной грудью – у страдающей матери теперь есть специалист, который выслушает и придет на помощь. Я мгновенно расслабилась, и мое лицо моментально преобразилась. Думаю я выглядела со стороны как блаженный идиот. Меня никто не кнокал в течение получаса.

За тридцать минут доктор опросил маму и постарался разобраться в ее сбивчивых объяснениях и жалобах, перевернул стопку привезенных бумаг из различных лечебных учреждений, а затем обратился к нам обеим:

– Первое, что мы должны сделать – это подтвердить нали-

чие заболевания. Необходимо повторно проанализировать образцы ткани. Если диагноз подтвердится, последует госпитализация для уточнения распространения опухоли по организму. Рак сейчас лечится медикаментозно, и возраст нам в помощь: замедленное деление клеток, в том числе и раковых.

Я начала выходить из идиотского состояния и поняла, что нам есть за что побороться. Нам дан шанс.

Я вернула маму домой. На обратном пути она продолжила "восхищаться" моими навыками вождения. Затем я помчалась на работу. У меня много дел, а завтра нужно быть в Ангарске – забрать материал для анализа и ждать, ждать.

Глава 4

Мой Женька был великолепным помощником во всем: реализовать любые капризы мамы (разумеется, в меру своих ресурсов), разогреть пищу, постирать, оповестить меня об ухудшении ее состояния. И конечно – выслушать и ее, и меня. Он умел слушать, не перебивая собеседника, с присущей восточным народам традицией уважения к старшим.

Несмотря на значительную разницу в возрасте я чувствовала его страсть, стремление заниматься со мной сексом, проводить со мной время, смеяться над моими шутками и шутить в ответ. С ним я ощущала себя опять юной и привлекательной, он отдавал мне частичку себя, чтобы я могла бороться за мамину жизнь.

Через две недели диагноз “рак” подтвердился, и маме дали назначение в стационар.

Стремительно неслось время, изнурительная и полная нервного напряжения работа забирала львиную долю моего бытия. Мимолетные моменты счастья в постели с молодым любовником. И мама, которая была смертельно больна, напугана неизвестностью, непониманием и откровенным хамством медицинского персонала. В лечебных заведениях ей приходилось самостоятельно решать проблемы, которые не всегда по силам молодым и здоровым. У нее тогда была огромная потребность в поддержке, но у меня она этого не находила, потому что я выматывалась на работе, да еще и была в постоянном стрессе из-за ее характера и состояния здоровья. И она злилась на меня. Я не нашла аргументов и возможности объяснить, что, если я уволюсь, нам не на что будет приобретать медикаменты, подарки медикам и будет элементарно нечего жрать.

Сибирь – зона рискованного земледелия, продукты в основном завозные, качество соответствует стандартам помойки, а прайс заоблачный (конкуренция у нас имела жесткий характер: можно было потерять магазин – пожары, знаете ли; лишиться свободы – за деньги и при наличии хороших связей легко упрятать удачливого и умного противника в СИЗО; или вообще жизни – отдельных "везунчиков" убивали вместе с семьей). Я не в состоянии была одна повлиять на коррумпированных чиновников, недобросовестных и

безграмотных бизнесменов, мне приходилось играть по их правилам.

Вечером перед госпитализацией настроение у мамы было хорошее, мы собирали вещи, иногда она шутила, контролировала мою невнимательность вопросами и репликами: "Ты положила зубную пасту и щетку?", "Рентгеновский снимок лежит на столе, не забудь его закинуть в сумку".

И конечно, косметика! Я всегда искренне удивлялась ее потребности быть красивой. Я по сравнению с ней ленивая жопа, иногда даже забываю расчесаться.

Так называемый "китайский", клетчатый баул был плотно забит ее нехитрым скарбом.

Нужно было ложиться спать, завтра трудный день, в 8 утра мы должны были быть в онкоцентре, потому что прием пациентов для оказания плановой медицинской помощи был ограничен до 11.00. Кто не успел – тот опоздал.

Я отправилась в свою комнату, а она осталась в своей. Меня ждали объятия горячего парня. А она осталась наедине со своими мыслями. Почему я была глупой эгоисткой и не осталась с ней? Ведь могла и должна была найти теплые слова в тот очень непростой для нее период. Вероятно, детские обиды, неуместная гордость, по сути своей несчастливая личная жизнь и нелюбимая работа не позволили мне перепрыгнуть через пропасть между нами.

В половине восьмого утра мы вышли из дома, онкоцентр располагался рядом, и дорога до него занимала 10 минут.

Мама считала, что временной запас не будет лишним, и я с ней не спорила. Я опять не предупредила начальника о своем отсутствии и немного нервничала.

Очень скоро я припарковалась на стоянке в больничном городке, а перед дверьми приемника уже была очередь из пациентов и их сопровождения, в которой я заняла место. Затем я подкатила местную инвалидную коляску к авто для скоростной транспортировки мамы, и мы заняли позицию "низкий старт". А потом продолжили ждать время "Ч" в машине – морозище, блин!

Открытие дверей было для всех как выстрел стартового пистолета: несколько инвалидных колясок одновременно рванули от машин, но мы выиграла и вскоре расположились внутри теплого помещения.

Большая площадь приемного отделения была заполнена до отказа. Некомфортных металлических кресел, стоящих рядами и очень близко друг от друга не хватало, люди были вынуждены ожидать стоя. Два часа в душевой комнате – цена за будущие услуги онковолшебников. Но выбора у нас опять же не было, действующий институт прописки не давал нам возможности воспользоваться услугами и знаниями московских врачей, если только иркутский врач не выпишет необходимую бумажку. Но старая и нездоровая женщина не нужна государству, она отработанный материал, мусор. И что делать нам, тем, кто ее любит? Открывать кошелек и платить, разумеется, скажет любой человек в нашей стране. Но денег

у нас тогда не было.

Процесс оформления занял минут десять и кучу нервов. Когда медсестра перебирала бумажки для госпитализации, оказалось, что результатов одного теста не хватает. В мой адрес полетели упреки от мамы, но нам милостиво предложили сделать анализ платно здесь или повторить процедуру получения направления и сбора необходимых документов. Меня не интересовала стоимость, я спросила:

– Где платить, и где его сделать?

Медсестра продолжила рыться в куче бумаг на своем столе и сказала:

– Ой, простите, вот оно – потерявшееся исследование.

Я медленно выдохнула, чтобы справиться с желанием дать ей в глаз. После выдоха постаралась состряпать на лице подобие улыбки, забрала карту больного, положила на колени мамы и, не меняя притворной кривой усмешки, последовала за нянечкой, которая показывала нам путь как флагманский корабль.

Мой телефон разрывался от звонков, сигнализируя о необходимости быть в другом месте. Кроме того, транспортировка мамы по больничным коридорам даже на инвалидном кресле (все-таки 100 килограмм живого веса) и нервное напряжение дали о себе знать болью в позвоночнике.

В палате я поздоровалась с четырьмя больными и начала на огромных скоростях благоустраивать мамину жизнь в больнице: заправила ее постель, разместила туалетные при-

надлежности и ее личные вещи в прикроватной тумбочке, полотенце на спинке кровати, а прочее оставила в бауле, который спрятала под кровать. Потом я со всеми попрощалась, и в спину получила мамин ответ:

– Вечно у нее нет времени, все через одно место, как попало.

И полетела по направлению к парковке. Через пятнадцать минут я уже заходила в кабинет с видом человека, обдумывающего вселенского масштаба проблему, который вышел на улицу "буквально на пять минут" подышать свежим воздухом.

Глава 5

Такой была тогда моя жизнь: кухня, кастрюли, пищевые контейнеры, безуспешные попытки доказать матери мою надежность, общение с врачом (мы с ней обменялись телефонами), психологом и изнурительный труд.

Я не рассказала о еще одной опции Женьки – это жилетка для моих слез. Не в буквальном смысле, конечно. С ним мы обсуждали любые проблемы, у него я находила поддержку и одобрение. Очень тонкое чувство собеседника. Но его член (я называла его "дружок") был мощнейшим антидепрессантом.

Через три дня по дороге домой, когда я изнывала в очередной пробке, на переднем сиденье рядом со мной завибрировал телефон и высветились имя-отчество маминого ле-

чащего врача. Под ложечкой засосало. Я ответила на звонок. После нескольких приветственных фраз доктор перешла к делу:

– Постараюсь быть краткой, у вашей мамы рак 4 степени, метастазы по всему организму, поражены кости. Прогнозы неутешительные. Мы с вами обсудим все позже, но вы должны быть готовы к печальному исходу.

А затем она как-то буднично попрощалась, я смогла только что-то промычать в ответ.

Бог хранит меня по каким-то непонятным мне причинам: если бы этот разговор состоялся во время движения автомобиля на высокой скорости, вероятно, я бы тоже оказалась в больнице (в гипсе), а может, и в морге.

Я, как сейчас помню, включила аварийные огни и откинулась назад. Я всегда завидовала черной завистью людям, которые умеют плакать. У меня же в стрессовых ситуациях начинается пульсирующая головная боль и полный ступор. Как будто в мое тело под большим давлением поступает тормозная жидкость. Руки, ноги, пальцы и все остальное перестает подчиняться, только мозг лихорадочно пытается понять, что это было и откуда прилетело, и как из минуса сделать плюс.

Автомобили за моей спиной громко сигналили и пытались объехать мою машинку, благо дорога была двухполосная. Я слышала маты и оскорбления в своей адрес, но не двигалась с места. Я не могла управлять своей тушкой, не говоря об автомобиле.

Наступила следующая стадия стресса, так называемый автопилот – автоматические действия без участия мыслительных процессов, как робот по написанной кем-то программе.

Я выключила аварийку и со скоростью черепахи двинулась по направлению к дому. Потом мне посчастливилось пристроиться за троллейбусом, и так я смогла добраться до пункта назначения.

Когда Женька увидел мое лицо, он спросил:

– Что случилось?

А потом обнял меня и прижал к своей груди. Я чувствовала, как бьется его сердце. Начала дрожать мелкой дрожью, потом амплитуда увеличилась, и у меня заклацали зубы. Я рассказала ему вкратце о звонке и о сути разговора и попросила сесть за руль, потому что управлять авто в моем состоянии было бы преступлением, а необходимо быть в больнице. Мы заехали в ближайший супермаркет и купили какие-то творожки, йогурты, сок и еще что-то диетическое и направились в больницу.

Мама сидела на кровати, она не знала о своем приговоре, и меня попросили ей ничего не рассказывать. Она спросила вместо приветствия, что со мной.

– Сложности на службе, смертельно устала, – ответила я.

Посещение было кратким, организму нужно было расслабиться и отдохнуть. Мы передали ей продуктовый набор и попрощались со всеми. И снова в спину в ответ полетело, что, мол, я даже не нахожу времени поболтать с ней, что она

в мои годы работала и не думала о своем удовольствии, всегда находила время для своей матери, которая была для нее на первом месте, а личная жизнь на втором.

Когда мы оказались дома, я почувствовала голод. Способ поглощения еды напоминал действия кочегара, который лопатой закидывает себе в рот топливо. Практически не пережевывая, я глотала как пеликан. Сняв одежду и не принимая душ, завалилась спать. Когда я открыла глаза, было очень темно, я чувствовала женькино тело и его объятия. На протяжении всей нашей непродолжительной и тяжелой совместной жизни каждую ночь он не выпускал меня из рук. И если я поворачивалась, он поворачивался в ту же сторону, не раскрывая свои объятия.

Я поцеловала его в щеку, и он улыбнулся во сне своей очаровательной восточной улыбкой. Потом я начала ласкать его мускулистый торс, постепенно опустилась ниже. Ласки привели к ожидаемому результату – возбуждению. Я заняла позицию сверху и испытала серию оргазмов, пока не довела себя до изнеможения. На протяжении всех моих манипуляций он не проснулся, что меня улыбнуло.

Не знаю, как у вас, но после секса я быстро и качественно делаю анализ и выбираю оптимальную стратегию выхода из кризисной ситуации. Не был исключением и результат того соития. Решения приходили мгновенно.

1. Я продам недвижимость мамы (квартиру, гараж) под предлогом, что мне пора увольняться на пенсию, и нам с ней

будет легче жить в Санкт-Петербурге, рядом с ее внуками.

2. На вырученные деньги мы можем рвануть в Израиль. У меня закрались сомнения по поводу правильности постановки диагноза. Кроме того, ее возраст был для нас подмогой. Она могла прожить даже с 4 стадией продолжительное время при правильной терапии.

3. Первый шаг для воплощения моего плана – это доверенность с правом распоряжаться ее имуществом. Завтра найду в интернете ближайший офис нотариуса и проконсультируюсь.

Я мысленно похвалила себя – план выполнимый.

Мозг медленно расслаблялся после хорошей работы, и я засыпала.

Глава 6

Звук будильника вырвал меня из объятий моего восточного мужчины. Кофе, йога, душ – и надо стартовать.

Я зашла в спальню, полюбовалась смуглым, рельефным мужским телом, сладко спящим симпатичным лицом на подушке, поцеловала его в щеку и вышла в мороз. Сибирь-матушка не баловала нас комфортными температурами в суровые зимние месяцы.

Не все машины при низких температурах заводились, многие автовладельцы вынуждены были добираться до рабочих мест на общественном транспорте, и поэтому мой путь до службы был свободен.

Я всегда выезжала с небольшим запасом времени на случай задержки в пробке, и тем утром у меня освободилось полчаса. А в свободном доступе были компьютер и интернет. Мой ночной план нужно воплощать, поиск нотариуса – секундное дело. Адрес, телефон – вся необходимая информация добыта несколькими движениями пальцев рук.

Потом я подключилась к вселенной, закрыла глаза и перекрыла поток мыслей. Просто звенящая пустота и темнота.

Рабочий день был обыкновенным, каждодневная рутина. Я созвонилась с нотариусом, юный женский голос на другом конце провода представился его помощником. Я попыталась объяснить все по телефону, но получила предложение приехать и поговорить с шефом, выбрала удобное окно вечером, и мы с ней попрощались.

Мне опять пришлось уйти раньше с работы, и я опять не отпрашивалась у своего руководителя. Он не хотел знать моих трудностей, ведь тогда он вынужден был бы относиться ко мне как к человеку. Мои девчонки-подчиненные всегда были на страже моих интересов, что до сих пор остается для меня загадкой.

Перед визитом к нотариусу я заскочила на рынок, купила готовую еду в одном кафе, там готовили по-домашнему. Там же в кафе расфасовала еду по маленьким контейнерам. Иногда я ловила на себе заинтересованные взгляды посетителей или взгляды-вопросы, отчего чувствовала себя некомфортно и старалась побыстрее закончить процесс упаковки.

Затем машина, дорога, парящий воздух вокруг автомобилей от сильного мороза. Как результат – плохая видимость. Деревянные гнилые иркутские развалюхи, признанные историческими памятниками, но не реставрируемые из-за отсутствия денег в бюджете области (по официальной версии), усиливали и без того депрессивное состояние.

Офис располагался на первом этаже пятиэтажного здания. Я приехала вовремя, и симпатичная помощница проводила меня до кабинета. Большой стол, стулья вокруг, приятная женщина за столом моего возраста приветливо улыбается мне. Короткое приветствие, я рассказываю кратко суть, затем она объясняет, что следует сделать, и какова стоимость услуг.

Завтра я заеду за ней, и мы отправимся в больницу с бланком генеральной доверенности, после подписания которой вернемся в офис для оплаты услуг и заверки документа печатью. В 16.00 мы встречаемся в ее офисе. Позднее у нее все расписано. "Опять придется свалить со службы рано", – подумала я про себя. Становилось плохой традицией нарушать рабочее расписание, но выбора у меня не было. На кону жизнь матери. Нотариус скинет мне текст доверенности на почту, и после ознакомления я должна дать ей знать, устраивает он меня или нет.

– Для меня главное, чтобы не возникло проблем при реализации квартиры и гаража. К сожалению, всех юридических тонкостей я не знаю и полностью доверяю вашей ком-

петенции.

Ее ответ был незатейлив:

– Такова обычная процедура.

– Хорошо, отправляйте на мой имейл. Я вам обязательно отвечу.

На этом наш разговор закончился, и мы попрощались.

Полдела сделано, простых полдела, впереди еще диалог с мамой и попытка убедить ее в необходимости продажи ее имущества без указания причин. У нее был гэбистский нюх на вранье. Надеюсь, версия с Питером сработает. Если нет, буду импровизировать.

Для поддержки в этом непростом для меня разговоре я захватила Женьку. И вот уже дверь палаты, мама на кровати, она улыбается и шутит со своими соседками по палате.

"Ты сможешь ее убедить, ты обязана", – готовила я себя к масштабной обработке ее сознания. Я знала, что она крепкий орешек.

Первым делом я предложила ей попробовать привезенную мной пищу: картофельное пюре с мясной котлетой. Она оценила качество и вкус еды и мои кулинарные способности. Если бы она узнала правду, то мои действия были бы квалифицированы как преступление против человечества.

Первая часть разговора была стандартной. Вопросы типа, как твои дела, настроение, что делала и т. п.

Вторая часть – презентация моего "плана" переезда в Питер и обоснование: покупаем квартиру, я увольняюсь на пен-

сию, у нас уже будут деньги, устраиваюсь на работу, живем в красивом городе фонтанов, дворцов и театров. С нами Данилка – мой младший сын. Или пансион за городом в обществе одногодок на свежем воздухе под присмотром медицинского персонала. А на выходных в тёплом семейном кругу. Я била чечетку, не давая ей возможности критически отнестись к моим словам, рисовала сказку. Как результат – она согласилась, что было неожиданностью даже для меня.

– Мама, ты умница, скоро я привезу к тебе нотариуса.

Улыбнулась и стандартно поцеловала в щеку. Доверенность будет завтра, теперь быстрая продажа квартиры – следующая головная боль.

...Способ, какой выбрать способ... сама или риелтор... Рынки недвижимости молоды, времени для формирования профессионалов очень мало. Платить деньги за головную боль? Не мой вариант. Значит, сама. Сайты вроде Авито и т. п. мне в помощь...

Вот такие мысли крутились в моей голове по дороге домой. Женька управлял автомобилем и освободил мою голову для анализа.

Дома я познакомилась с особенностями работы сайтов продажи и покупки недвижимости, требованиями и образцами выкладываемых объявлений и приблизительно прикинула стоимость квартиры по продаваемым аналогам в Ангарске. В электронном ящике меня ждал текст доверенности для ознакомления, пробежав по которому глазами я тут же

ответила в духе "Все ОК".

Потом ужин вместе с моим смуглым партнером теми же, что и у мамы в меню, картофельным пюре и котлетами. Затем ежедневные ночные объятия и секс. У нас обоих впереди были неизвестность и страх. Но любовь и страсть согревали наши сердца и давали силы идти дальше.

Глава 7

Следующий день был посвящен детальному изучению работы сайтов продажи недвижимости, которым я занималась в небольших перерывах в плотном рабочем графике.

Фотографии, нужны привлекательные фото. Когда я забирала маму из дома, там остался изрядный свинарник, надо подготовить натуру. Планы на вечер – доверенность и уборка. Надо вычистить авгиевы конюшни за минимальный отрезок времени, а метод Геракла недоступен для меня. Поэтому сегодня у больной будет лайтовый вариант продуктового набора. Йогурт, творожок, сок, может, какой-нибудь бисквит. Хотя те, что продают в иркутских магазинах, не выдерживают никакой критики: много сахара и химикатов. Те, что производятся в Иркутске, очень жирные и могут быть с истекшим сроком годности, но покупатель об этом не знает. Владельцы торговых точек продовольственных товаров нередко наклеивают новые этикетки поверх старых. Их деятельность защищена действующим (дырявым) законодательством России, а именно его бюрократической реализацией. Выключают

весь мозг при попытке найти правду и наказать нечестного бизнесмена. Вдобавок тебя разведут адвокаты, а размер выплаты морального ущерба даже не покроет юридических расходов. Но и после решения суда в пользу пострадавшего его хождение по мукам не закончится – впереди приставы, шестеренки единой системы по уничтожению нервных запасов русских людей.

Ой, я отвлеклась. Я заскакиваю в супермаркет, затем к нотариусу, и мы вдвоем направляемся к маме в больницу. В машине разговор не клеится. Она приятная женщина и, вполне вероятно, очень интересный собеседник, но сложившаяся ситуация давит на меня и заставляет миллионный раз анализировать правильность принятых накануне решений. Я одна, Женька классный и умный, но он не сможет сделать корректные выводы из-за разницы во взглядах и непродолжительного времени проживания в России. Старший сын – тоже не вариант, мои проблемы не его. У него великая миссия – двигать российскую науку, да там и платят намного лучше. У младшего нет опыта, бывшему мужу я вообще параллельна. Мои родные и близкие люди на кладбище, а с остальными я не хочу делиться, начнется осуждение поведения моей матери и мой внутренний протест: "Кто вы, сука, такие, чтобы судить о ней. Ее психика требует лечения, а не осуждения!"

Мы легко добрались до больницы и на редкость буднично сделали все, что нужно. По просьбе нотариуса освободили палату, пациенты вместе со мной вышли в коридор. Несколь-

ко минут – и бумажка подписана. Я отдала маме продукты. Борясь с желанием зареветь как белуга, я выдавливаю улыбку, но мои усилия напрасны – ее не обманешь. Она чувствует, что меня точит червяк, и пытается разобраться в происходящем. Но я бережно храню тайну. Стараюсь сократить время общения и убегаю под предлогом, что нужно срочно отвести юриста обратно. У нее часто менялось настроение: от полного доверия до абсолютного неверия, граничащего с паранойей. Неимоверно тяжело для окружающих, нет возможности прогнозировать, что тебя ждет в тот или иной момент. В тот день она доверяла мне, что очень облегчило для меня процесс оформления документа.

Молча возвращаемся в офис, нотариус последний раз сверяет данные наших паспортов, ставит жирную гербовую печать, а я оплачиваю ее услуги, и мы прощаемся. Заветная бумажка, которая поможет спасти мамину жизнь, у меня в кармане.

Домой, жрать и в путь. Впереди Ангарск.

Приезжаю домой, открываю холодильник и все, что можно есть холодным, сую в рот. Лицо моего восточного принца веселит меня. С набитым ртом я объясняю ему:

– Мы уезжаем.

– Что? – уточняет он.

– Что непонятного?! – начинаю выходить из себя я. Но тут до меня доходит, что даже сама не могу понять сказанное мной, потому что говорю с набитым ртом. И начинаю

смеяться и интенсивно жевать. Проглотив полупережеванную пищу, я повторяю:

– Мы уезжаем в Ангарск и без лишних разговоров! И еще – я соскучилась.

– Не поздно? – спрашивает он, пропуская вторую часть фразы, и добавляет, – сейчас уже 19 часов.

– Нет, не поздно, – отвечаю я. – За руль сядешь ты, я очень устала.

– Что мы там будем делать? – задает он резонный вопрос.

– По дороге расскажу, – кричу я ему из другой комнаты, потому что уже переодеваюсь, снимаю форму и облачаюсь в мои любимые джинсы и джемпер.

– Хорошо.

Обожаю его легкость на подъем без лишних докучливых вопросов.

Он наливает мне стакан воды, чтобы я смогла запить наспех проглоченную пищу (все-таки не пеликан), смотрит с недоумением, как я запикиваю в ведро моющие и чистящие средства, тряпки и щетки.

А потом мы выходим в ночь. Сибирские зимние дни короткие, солнце перестает освещать и греть землю рано.

Глава 8

В те дни я чувствовала чью-то могучую поддержку, такое под силам только богу. Пробок на выезде из города не было, и дорога заняла всего сорок минут.

Дома у мамы клининговая компания в моем лице и лице юного, веселого и трудолюбивого узбека взялась за работу. Мама предпочитала все готовить сама, а вкусная пища в ее понимании должна быть очень жирной. И как следствие на кухне присохший жир был повсюду. Я залила все поверхности и полы какой-то едкой и вонючей гадостью, и дала химии растворить смесь жира и грязи. Чтобы не задохнуться, нам пришлось открыть окна. Тяжелый морозный воздух клубился и застилал пол на кухне. Гарри Поттер умер бы от зависти. Волшебство без магии.

Также я залила химией туалет и ванну. А мы с Женькой убирали жилые помещения. Все-таки трехкомнатные хоромы, набитые мебелью и вещами, в которых долго никто тщательно не убирался. Мы занимались уборкой четыре часа, и это был не самый легкий труд. Но результат нас удовлетворил. Из свалки квартира превратилась в приемлемое для проживания помещение.

Потом час мы потели над фотографиями. Ни он, ни я не имели необходимых навыков, но у нас получилось полупрофессионально. Конечно, фото не для обложки глянцевого журнала, но картинка выглядела привлекательней природы.

Обожаю это чувство облегчения, когда груз падает с плеч. Работа сделана, и сделана неплохо.

И тут Женьку осенила мысль: кто будет показывать апартаменты? Блин, я не подумала.

Соседи? Почему бы не попробовать. Под нами живет

очень доброжелательная семейная пара, ровесники моих родителей, у них две овчарки, и их дочь – моя подруга. Начну с них.

Звонок в дверь в интервале с 23.00 до 24.00 насторожит любого, даже молодого и уверенного в своих силах человека. А тут пожилые люди. Кроме того, наше вторжение не одобрили псы. Их громкий лай, по-моему, разбудил весь подъезд. Но вот собаки перешли на недоброжелательное глухое рычание, значит, хозяева рядом.

На что я надеялась в тот момент, не знаю. Все-таки внешность с возрастом меняется, мне 44 года, а отчий дом я покинула в 20 лет. Но дверь приоткрыли и меня назвали по имени. "Узнали", – подумала я. В узкий проем выглядывали две любопытные собачьи морды и ворчали на незваных гостей.

Я вкратце описала ситуацию, избегая подробностей маминого состояния здоровья. Зачем расстраивать людей ее возраста? Попросила их показывать квартиру покупателям, записала свой номер телефона, передала мамину связку ключей и искренне их поблагодарила. И опять в путь.

В машине меня вырубил. Смуглый парнишка вез мое измученное и уставшее тело домой.

– Наташ, приехали, – разбудил он меня своим бархатным голосом с обворожительным акцентом.

Я с трудом разлепила глаза – сталинская двухэтажная завалюха, стремящиеся к земле окна моих апартаментов на первом этаже – мы на месте. И поперлась домой. Блин, как

же мороз бодрит, но не сегодня, парень, я не дам тебе возможности разбудить меня. Я устала, очень хочу спать.

Глава 9

Боже, ненавистный звук будильника, не хочу просыпаться, мне нужен покой. Но мое второе суперответственное “я” вытаскивает меня из постели, вливает в меня крепкий кофе, заставляет делать физические упражнения и тащит в душ. Потом еще и пичкает завтраком. Я злюсь на себя, потому что мое второе “я” неуправляемое.

Сегодня легкий день: просто создать и разместить объявление о продаже жилья в интернете. Закуриваю сигарету и слышу возмущенный бархатный голос из спальни:

– Ты же обещала, что бросишь!

– Женя, спи, одна сигарета – это не считается.

Докуриваю и вперед, выживать самой и бороться за жизнь матери.

Машина-дорога-мини-пробка-кабинет-компьютер. Составляю публикацию о реализации квартиры, а потом читаю. Боже мой, какой убогий текст! Чувствуется отсутствие художественной литературы в жизни автора и присутствие коряво написанных нормативных документов уголовно-исполнительной системы и такого же качества служебных писем. Но выше головы не прыгнешь. Загружаю фото и публикую объявление на всех сайтах, содержащих раздел продажи недвижимости. Параллельно слушаю пришедших на работу под-

чиненных. Вроде, все под контролем, и мое вмешательство не требуется. В руководстве я всегда придерживалась принципа – не навреди. Мои подчиненные иногда знали и умели намного больше меня, потому что имели более богатый опыт в работе с оружием.

Мысленно перехожу к следующей проблеме – реализации гаража, но мои размышления прерывает телефонный звонок. Это номер мамы. Что-то обрывается внутри, без особых причин, и мной овладевает ужас и паника. Но разговор не принес каких-либо страшных новостей. Она попросила меня не приезжать, потому что продуктов у нее достаточно, а моя рожа вызывает у нее тревогу за мое здоровье.

– Немного простыла, – тут же вру я. По телефону врать легко, а глядя человеку в глаза – очень сложно. У меня все на лице написано.

– Ну тогда до субботы, – подвожу я итог разговора и испытываю внутреннее ликование. Небольшая передышка в обществе сексуально привлекательного и озабоченного молодого самца с хорошим чувством юмора. Оторвусь по полной. Еще и психологическую помощь получу, ведь Женьке я могла все рассказать, обсудить, получить поддержку, снять напряжение без страха быть осужденной за неправильные действия. Я так устала от этого за мой недолгий (но такой тяжелый) век.

Рабочий день промчался практически мимолетно, можно ехать домой. Беспрепятственно добираюсь до своей кварти-

ры, готовлю незатейливый ужин, что-то вроде жареной картошки. И мы с моим верным узбеком обсуждаем планы на субботу, потом плавно меняем тему и обсуждаем поиск врача в Израиле, стоимость медицинских услуг в этой стране, перелета, способ транспортировки лежачего больного.

Но потом мы теряем нить диалога, Женька начинает быковать и навязывать свою точку зрения.

– Еще бы я малолетних засранцев не спрашивала, что мне делать, – выпалила я.

– От засранки слышу, – тут же парирует он.

И наш мирная беседа переходит в потасовку, шутейную драку. Эта скотина всегда одерживает победу в подобных побищах. Но я тоже не проигрываю, в процессе этой игры мы возбуждаемся, и как следствие – секс. Я обожаю его член солидных размеров, но не огромный. И он всегда виртуозно им пользуется, поэтому я испытываю череду оргазмов.

Короче, вечер закончился в кровати, после нескольких раундов приличного траха я заснула со счастливой улыбкой на лице в крепких объятиях джигита.

Утро субботы, мониторю публикацию: только просмотры и ни одной попытки связаться со мной. Рыбка не клюет.

Бужу поцелуем Женьку и снова в путь. Надо закончить начатое. Наша дорога снова лежит в Ангарск. А там заветный гараж и его фотосессия.

По возвращении составляю новое объявление, снова готовлю свежую пищу для мамы, снова больница, палата, вы-

слушивание необоснованных обвинений в свой адрес, вечерний сериал и секс.

С этим пацаном я позволяла себе все, что мне хотелось и нравилось в интимных отношениях между мужчиной и женщиной. То ли он не был искушен в любовных утехах, то ли его действительно зацепили мои сексуальные фантазии, а может, и то, и другое вместе, но мы отрывались в койке, как перед смертью. Независимо от любых соображений, это было интересное и необычное путешествие в мир плотских удовольствий. С бывшим мужем в интима я была на жесткой вегетарианской диете: раз в неделю, а может, два, и только то, что хотел бывший. А с Женькой мы делали все, что приносило удовольствие нам обоим.

Воскресенье было посвящено генеральной уборке дома, стирке, снова приготовлению еды, отдыху, визиту к маме, ожиданию звонка от покупателей. Напряженное и звенящее ожидание, но звонили в основном из агентств, спрашивали о возможности включить мое объявление в свою базу, чтобы предлагать своим клиентам. Конечно, я не возражала. Но работающий за копейки, выживающий в нечеловеческих условиях русский народ не располагал средствами для покупки недвижимости, а говоря попросту – покупателей не было. Цену я снизила.

Еще в соцсетях я связалась с подругой, которая жила в Израиле. Она уехала много лет назад жить в землю, текущую молоком и медом, и мы с ней потеряли контакт. Она была

счастлива снова возобновить знакомство, а я возможности зацепиться за кого-нибудь на земле обетованной. В разговоре выяснилось наличие у нее друга-доктора, заведующего терапевтическим отделением в клинике города Хайфа, Бог был опять на моей стороне.

Глава 10

Стандартное утро понедельника, рутинная первая половина дня на работе, а в обед звонок от врача мамы. Когда я увидела, кто мне звонит, у меня подкосились ноги, и я медленно села на стул. Перед звонком я что-то оживленно рассказывала коллегам.

Тревога мгновенно завладела мной – какие новости меня ждут? Собравшись с духом, я ответила:

– Да, слушаю, – но голос дрогнул. Как же трудно держать себя в руках, улыбаться, когда хочется плакать.

Поприветствовав меня, доктор начала рассыпаться в извинениях за неправильно поставленный диагноз:

– Кости разрушены остеопорозом (дефицит кальция, поэтому на рентгеновских снимках кости имеют неоднородную структуру, эти изменения горе-лекари приняли за метастазы), мы пригласили специалиста сегодня (зачем было информировать меня, не имея полной уверенности в диагнозе), который смог определить причину ненормального состояния костей вашей мамы, – слушала я монолог лечащего врача. – Я выпишу рецепт и передам вашей маме, и вы сможете ку-

пить препарат с кальцием в аптеке, – закончила свою речь она.

– Ну а рак, что насчет рака?

– Между второй и третьей стадией... – это был второй блок ее повествования, который я не прерывала вопросами по той простой причине, что пыталась понять сказанное ей полностью, так как не обладала нужными знаниями, а она использовала много специфических медицинских терминов. – ...Удалим оперативно матку, проведем курс облучения. Наиболее оптимальная тактика для положительного результата.

– Хорошо, – ответила я и постаралась прекратить разговор словами благодарности. Мне необходимо было прийти в себя и справиться с желанием назвать ее полной идиоткой, чтобы тем самым не испортить с ней отношений.

Я положила телефон на стол и минут на 10–15 ушла в себя. Совсем. У меня что-то спрашивали сослуживцы, я даже не пыталась отвечать. Временное слабоумие, у меня аж слюна побежала, наверное (но это не точно).

Вернувшись из "нирваны", я вынуждена была отвечать на вопросы присутствующих, но мне требовалось в тот момент просто посидеть в тишине. Мои коллеги поздравляли и радовались за меня, но внутри была опять пустота.

А потом возникла новая проблема: что изложить маме, почему я передумала переезжать в другой город? Раз сказка рассказана, буду реализовывать. Придется уезжать из мо-

его неприветливого, снежного, но горячо любимого сибирского края. Я плохо представляла свою жизнь без Байкала, сурового и неприветливого старика, но невероятно харизматичного и привлекательного. Придется сказать "прощай" родным, друзьям и знакомым. Но с другой стороны, я смогу проводить больше времени с детьми. Хотя внутри меня точит червь сомнения, нужна ли им? Старший сын – успешный молодой человек, ученый, инженер-программист. Я была уверена, что у меня он обеспечит надежной страховкой. Не сработало. Я наверное не учла важные аспекты – взаимопонимание, его амбиции и занятость, желание любить и быть любимым. Младший еще в школе учится, соответственно, на его помощь не приходилось рассчитывать, только на моральную поддержку, в которой он мне ни разу не отказал. Я обожаю этого огромных размеров мальчишку, с добрым сердцем, готовым прийти на помощь тем, кого любит, без осуждения. Как изменится его отношение ко мне, когда он повзрослеет, одному богу известно.

Глава 11

На следующий день после работы я вместе с Женькой была в больнице с купленными на рынке вкусняшками и обсуждала с лечащим врачом стратегию будущего лечения.

1. Купить кальцийсодержащие препараты, врач выдал рецепт.
2. Курс химиотерапии перед операцией.

3. Удаление матки.

4. Завершающий этап – облучение.

Мои познания в медицине стремились к нулю, я могла только рассчитывать на доктора и его симпатию к нам. Это было наивно, конечно, с моей стороны. У кого могли вызвать симпатию полусумасшедшая старуха с нестабильной психикой и ее задерганная, неухоженная, подтупливающая 40-летняя дочь. Мою связь с молодым узбеком она наверняка осудила про себя, на что мне было плевать с высокой колокольни. У меня был только он в помощниках, больше никого. Да и если честно, даже его я близко не подпускала к своему сердцу, там жил мой отец. Единственный мужчина, с которым я чувствовала себя королевой. А остальные – мусор.

Разговор в палате мне не запомнился, был краткий и без оскорблений. У матери было неплохое настроение, и ей не требовался громоотвод. Поэтому мы с Женькой в скором времени покинули это прибежище боли, страха и затаенной надежды.

На следующий день цена таблеток повергла меня в шок. Неужели мать не заработала на бесплатные лекарства! Сорок лет тяжелого труда, вложенного в государство, не достаточно. Почему бы еще не подзаработать на желании родных облегчить страдания любимого человека? Мне срочно требовалась финансовая ревизия моих доходов и расходов. Хотелось бы узнать, как уменьшить размер платежа по маминскому кредиту, или как воспользоваться страховкой и вообще

прекратить платить. Все-таки рак – это не простуда. В мой внутренний план на завтра я внесла пункт – сделать звонок в "Совкомбанк".

Вечером я завезла маме только лекарства, так как еды у нее было достаточно, да и в онкоцентре кормили до отвала. У нас состоялся краткий разговор:

– Завтра у меня химиотерапия, будут капать какой-то препарат, – сказала она.

– Хорошо, – зачем-то ответила я. По художественным фильмам о раке я знала, что ничего хорошего нет. Меня ждали новые моральные пытки, а ее – физические муки.

– А послезавтра я поеду домой, – были ее слова.

"Поеду домой", – эта ее фраза меня окрылила, она наконец перестала скучать по своей квартире в Ангарске и почувствовала себя уверенно в моем жилище.

– Послезавтра после 12 часов меня отпускают.

– Хорошо, – зачем-то опять хорошокнула я, – ты держись, – попыталась я поддержать ее, но получилось как-то корявенько и неубедительно. Она проигнорировала сказанное и добавила:

– Завтра не приезжай, но постарайся меня забрать пораньше в день выписки.

Еще одно "хорошо" было бы перебором. Я гмыкнула и попрощалась.

Машина, вечерняя дорога, моя хибара, объятия восточного горячего принца с лесозаготовок, сон, следующий ру-

тинный день, и наступило послезавтра. В районе 13.00 она мне позвонила и радостным голосом сообщила, что медики оформили все бумажки, и она полностью готова, собрала вещи, и я могу за ней приезжать. Но у меня не было возможности, на работе была запара. Я ей постаралась объяснить причины возможной задержки, но мои аргументы не возымели эффекта, она начала истерить, кидаться обвинениями и оскорблениями. Но мой уход со службы был чреват последствиями и не только для меня.

Около трех часов дня я освободилась и рванула за ней. Как назло, были пробки, и я нервничала. Чтобы избавиться от нервозности, мне необходимо что-то делать, решила связаться с банком насчет ее кредита, мне порекомендовали приехать с доверенностью в офис (адреса мне отправят сообщением) и получить перечень документов для страховой компании. В конце концов мне удалось добраться до места назначения. Она сидела на кровати без постельного белья. По мнению персонала, ее уже не должно быть здесь, и никого не волнует, что нас только двое, и мы не боги.

Со мной она практически не разговаривала. В абсолютной тишине мы добирались до дома. К моему удивлению, катастрофического ухудшения ее состояния после химии не последовало, и мы благополучно дотянули до следующей госпитализации.

Первый день ее нового больничного ада был обыденным. Ожидание в заполненном людьми помещении около двух часов, а затем транспортировка мамы весом около 100 килограмм на инвалидной коляске вместе с китайским баулом, забитым личными вещами, постельным бельем, посудой и т. п., в хирургическое отделение. Пот катил по всему телу градом, душные и плохо проветриваемые помещения, спина отзывалась стреляющей болью, но я везла ее. А санитарка была флагоманом. Закинув маму в палату и максимально обустроив ее быт, я помчалась на службу.

Мое отсутствие со стороны руководства не было замечено. Все прошло гладко. Промелькнул еще один обыкновенный день, в 16.00 я завершила все безотлагательные мероприятия и опять без разрешения свалила.

На огромной скорости я домчалась до больницы, а затем до кабинета врача. Она еще не ушла. "Что дальше, что я должна делать дальше?" – пульсировал в голове только один вопрос. Я постучалась и в ответ донеслось:

– Да.

– Я дочь Ефимовой Людмилы Михайловны, очень хочу обсудить с вами ее состояние и план лечения, – обозначила я цель своего вторжения.

– Минутку, я сейчас выйду.

Через мгновение открылась дверь, и мой взгляд остановился на ее лице, которое выражало усталость и некоторую отрешенность.

– Сегодня вторник. Операцию я назначила на четверг, после завершения которой – реанимация. Уход в первые часы после операции – очень важная составляющая, – без каких-либо приветствий с места в карьер понеслась она.

– Я могу за ней присмотреть? – спросила я.

– Можете, но не желательно. Чисто по-человечески советую попросить кого-нибудь из младшего персонала позаботиться о вашей маме, вам скажут, что необходимо привезти, ну, а вам только останется отблагодарить нашего сотрудника.

– Хорошо, – меня уже начало бесить это слово, и еще один факт выводил меня из равновесия: никто не спрашивал, есть ли у меня финансовые возможности на всё. Мне навязаны чужие правила, а на кону жизнь родного человека!

Она сухо попрощалась, а я поплелась в палату, где меня ожидал приятный сюрприз: маму приехал навестить ее двоюродный брат, красавец и умница, полковник в отставке, дядя Сережа. Несмотря на возраст в нем чувствовалась военная выправка.

Я очень ему обрадовалась, мы обнялись, потом я поздоровалась со всеми присутствующими. Моим близким я кратко передала суть беседы с врачом и пошла искать санитарку. В районе столовой я ее увидела, спросила имя и уточнила, готова ли она мне помочь. Моя просьба не вызвала у нее недоумения: не я первая, не я последняя – сделала вывод я.

– Привези курятину и сухари. Я сварю ей свежий бульон, – безапелляционно заявила она, остальное все здесь есть.

– Спасибо, – залепетала я. Полезла в кошелек и сунула ей в карман халата деньги.

– Запиши мой номер и позвони, я добавлю тебя в контакты, – продолжила она без какой-либо реакции на "благодарность". Если будет в чем-нибудь необходимость, я позвоню.

Подчиняясь ее приказу, я достала телефон, позвонила на продиктованный номер и сохранила его в списке контактов.

После звонка она удалилась, не попрощавшись.

По дороге назад я встретила еще одну женщину в белом халате, которая привлекла мое внимание. Она просто беседовала с пациенткой. Тон, манера общения навели меня на мысль, что передо мной психолог. Я остановилась напротив разговаривающих в тесном коридоре и дождалась конца беседы.

– Вы что-то хотели? – без эмоций спросила предполагаемый врачеватель душ.

– Вероятно, да, если вы штатный психолог больницы, – ответила я.

– Вы по адресу, я психолог.

И тут меня понесло, я рассказала ей о маме, о ее неконтролируемых и непонятных сменах настроения, попросила помочь беде, предложила ей деньги. Она выглядела усталой, но после моей тирады усталость сменилась настороженностью. Думаю, она сомневалась в моей вменяемости.

– Моя работа – оказывать психологическую помощь больным, и мне платят зарплату, ваша мама будет под моим при-

стальным вниманием, – был ее ответ на мою тираду.

"Блин, кто же окажет помощь родственникам", – подумала я. По каким-то неведомым причинам я не испытывала благодарности к этой женщине.

– Спасибо, – лицемерно сказала я, попыталась выдавить улыбку, но не смогла.

Долгое напряжение отразилось на лице в виде маски, мышцы затвердели и не желали двигаться. Но я все-таки выдавила закономерное "до свидания" и вернулась к своим родственникам.

Мама с удовольствием разглядывала банку икры лосося и хвасталась подругам. Она привыкла с отцом жить богатой жизнью и занимать лидирующие позиции в любом окружении. Но я не могла ей это предоставить – очень дорогое удовольствие. Мне бы удержать нынешнее.

– Ну всё, в четверг операция. Завтра тебе нельзя есть, значит, я тебе не нужна.

– Вот так всегда, лишь бы избавиться от меня, – завела она старую пластинку.

– Девочки, не ссорьтесь, – вмешался в наш диалог дядька. – Людка, скажи, зачем она тебе такая? Посмотри на свою дочь. Она похожа на загнанную лошадь, скоро свалится. Кто будет о тебе заботиться?

Его слова возымели на нее действие.

– Ладно, – с неохотой выдавила она из себя.

– Тогда я пойду, – сразу воспользовалась я завоеванной

позицией. Мне требовалось еще купить курицу и сухари.

– И я прощаюсь, не беспокойся, сестра, все будет отлично, – оптимистично присоединился дядя Сережа к моему прощанию.

На парковке он меня притормозил:

– Ты давно смотрела на себя в зеркало?

– А что со мной не так?

– Я про загнанную лошадь в палате говорил не для матери, а для тебя. Поезжай отдыхать. Я здесь, и если что-то понадобится, я могу тебя заменить. В четверг операция, в пятницу и, вполне вероятно, в субботу она будет в реанимации, ведь не девочка уже и быстро вряд ли восстановится. В воскресенье я буду здесь.

"Какое счастье", – пронеслось в голове. Отдых. Отдых... Отдых! Я не могла поверить, что его может быть два-три дня!

– Спасибо, – я поцеловала его в щеку. – Завтра я смогу заняться ее кредитом после работы.

– Не за что, мы одна семья и обязаны помогать друг другу.

– Спасибо огромное! – моей благодарности не было границ.

Мы попрощались, я поехала покупать стандартный реанимационный набор продуктов с твердой уверенностью, что все будет хорошо. Мой дядька – человек слова.

Приобретение, передача куриного филе и сухарей санитарке не заняли много времени, и я скоро очутилась дома.

Женька ластился ко мне, как соскучившийся пес. Моя со-

бака (к сожалению, она умерла) так же радовалась моему приходу после долгого отсутствия. Я думала, у нее хвост оторвется, так она виляла им, повизгивала и поскуливала, подпрыгивала и пыталась облизать мою рожу своим липким и мокрым языком. Женька и она были похожи взглядами, полными любви, преданности и обожания.

Накидав в себя еды, я быстро отправилась в постель. Там я рассказала Женьке, что моя судьба подарила мне отдых, и я решила совершить путешествие в Аршан. Заверила, что ему понравится. А потом меня ждали плотские утехы, выражаясь высокопарным языком. А секс я люблю, хорошая вещь.

Глава 13

Конечно, я заехала к ней завтра, чтобы поддержать морально. Ей было очень страшно, и это было видно невооруженным взглядом. Я пыталась поддержать и подбодрить ее, бормотала какие-то слова. Не знаю, слышала и понимала ли она мой лепет, потому что реакции не последовало. Накидав безрезультатных шаблонов, я попрощалась и поехала в "Совкомбанк".

Там я провела немного времени. Тетка за столом без интереса взглянула на меня и также выслушала мою историю.

– Понятно, – без намека на сочувствие отреагировала она.

Покопалась в своих бумаженциях, вытащила на свет одну из них и изрекла:

– Со списком документов – как соберете – снова в офис:

напишете заявление, – безэмоционально сказала она и добавила: – Не затягивайте.

– Спасибо, – сказала я.

– Пожалуйста, – получила я равнодушный ответ.

В машине я внимательно ознакомилась с этим длинным списком. Почему-то всплыла в памяти бессмертная цитата О. де Бальзака: "Бюрократия – это гигантский механизм, приводимый в движение пигмеями".

Мне придется потратить не один час на сбор никем не востребованной макулатуры, но выбора не было. Или плати, или бегай с высунутым языком.

Затем я направила свои колеса домой. И там меня ждали шутки и смех. Женька умел изменить мое настроение с полного минуса в абсолютный плюс. Мы обсуждали путешествие, купили в ближайшем супермаркете все необходимое в дорогу и продукты быстрого приготовления. У нас была насыщенная программа на выходные, впереди много интересных мест, некогда будет стоять у плиты.

На следующий день я опять была в больнице. Маму прооперировали успешно. Она в реанимации, еще не пришла в себя после наркоза. Поговорила с нанятой санитаркой, та заверила меня, что все под контролем и волноваться не о чем.

Я позвонила дядьке, сообщила, что все хорошо, и я уезжаю в Аршан на следующий день.

Пятница тянулась очень долго. Звонок в онкоцентр подарил мне позитивную новость: мама пришла в себя, но она по-прежнему в палате интенсивной терапии. Еще очень слаба, практически все время спит. Связалась с нянечкой, та отчиталась, что приготовила свежий куриный бульон, мама поела капельку, а сейчас дрыхнет. “Даааааа!!!” – раздался внутренний вопль. – “Мы победим этот рак!”

В 15.00 народ стал тихо исчезать с рабочих мест. В этот ручеек влилась и я. Путь домой занял буквально несколько минут.

Я залетела ликующая в мой рассыпающийся кирпичный барак сталинского ампира, в котором я приобрела две квартиры и объединила их. Мой старший сынишка обеспечивал нас водой, таская ее из колонки в ведрах все детство. Когда он уехал учиться в Питер, я все-таки уговорила соседей подключиться к центральному водоснабжению.

– Собирайся, – с порога заорала я. На ходу стягивая надоевшую и ненавистную майорскую форму. Женька выглянул из спальни, где стоял компьютер. Работа ему подворачивалась не часто. Беглому чурке везде грозила опасность попасть за решетку, но несмотря на это он умудрялся где-то подрабатывать. Меня искренне удивляла его способность не впадать в отчаяние и еще поддерживать меня.

– Что орешь, засранка? – его акцент ласкал слух. – Я готов и жду тебя.

– Я не верю, не верю! Что сегодня я без ада, без боль-

ниц, без постоянного напряжения! Мы с тобой едем отдыхать. Там ты увидишь неописуемой красоты природу, тебе очень понравится, – кричала я, надевая джинсы.

– Задержимся на полчаса, хочу тебя, – с легкой хрипотцой проговорил он.

– Некогда, скоро начнется пора движения машин черепашьими темпами, выезжаем прямо сейчас! – командовала я, надевая зимние ботинки...

– Мы везунчики, холода отступили, и нет февральских ветров, нетипичная погода для Сибири, – продолжала я, натягивая пуховик...

– Сегодня была капель, обычно в это время дует промозглый проникающий до костей леденящий ветер, а тут оттепель, – продолжала тараторить я...

– Нам помогает сам Бог, – сделала неожиданный вывод я уже за рулем.

Все-таки мы простояли в пробке около часа, и за пределами города Женька стал штурманом моей малюсенькой машинки. Этот водитель самосвалов и фур виртуозно управлял моим транспортным средством, мама не ошибалась. С максимальной скоростью по склонам и серпантинам мы отдалялись от боли, волнения и страха и приближались к сказке.

Меня охватил щенячий восторг. Я напоминала себе мою собаку, которая была у меня в детстве. Эта умная сука размером с болонку (двортерьер) занимала такую позицию в автомобиле, что ее морда с высунутым языком оказывалась меж-

ду плечом моего отца-водителя и мамы-пассажира переднего сиденья. Ветер трепал ее длинные уши, но она с удовольствием обозревала окрестности.

Мой работавший на износ мозг получал давно требуемый ему релакс, а быстрая смена панорам вытесняла из моего сознания нерешенные проблемы.

Прощай, Иркутская область! Здравствуй, Бурятия! Ночь вступала в свои права, в ранних сумерках торжественные сосны и ели, как леди в шикарных белоснежных шубах, были обворожительными и приковывали к себе взгляд. Один миг – и вот уже Тункинская долина.

Она неопишимо красива летом. Огромная площадь идеально ровной поверхности с ковровым покрытием из полевой травы и цветов. Насыщенный зеленый цвет с вкраплениями оранжевого, желтого, красного, фиолетового, залитый солнечным светом – это отдых для уставших от работы с компьютером глаз. Мирно пасется домашний ухоженный скот, и позади этот рисунок оттеняют величественные горные вершины с выступающими скалами.

Но сейчас было уже темно, да и время года другое, поэтому эта картинка лишь ассоциативно всплыла в моей памяти.

Вот и Аршан, небольшое поселение у подножья Саян. Аренда жилья здесь – дело нехитрое. Кругом множество плакатов с кратким и лаконично написанным текстом: "Комната, 400 рублей и номер телефона" в руках местных жителей, на заборе возле зданий и т. п.

И мы нашли себе ночлег: за 800 рублей в сутки. Отдельное одноэтажное строение с двумя спальными помещениями и большим многофункциональным холлом, в котором располагалась кухня, прихожая и диван с телевизором. В спальне были старый платяной шкаф да четыре кровати с прикроватными тумбочками. Для неприхотливого клиента, но нам не нужна была роскошь, потому что она была за окном. Саяны... Ни одному художнику не удалось достичь уровня природы в создании красоты.

Разместив личные вещи, сдвинув две лежанки и застелив их постельным бельем, мы приступили к выработке плана на вечер.

Выпить, пожрать и повеселиться, на людей посмотреть и себя показать. Мы отправились в кафе под названием "Амрита". Я была в нем прежде – бурятская сытная, мясная кухня, неплохой бар, всегда живая музыка и большой танцпол. Что еще нужно для бурного и интересного времяпровождения?!

Мы покинули наше временное пристанище, и пьяняще чистый воздух с ароматом таежного леса и талых снежинок, звездный темно-синий небосклон с луной сотворили чудо – градусы настроения стремительно полетели вверх.

Скользкий путь я прошла без потерь благодаря физической силе и ловкости Женьки, который много раз ловил меня за шиворот и создал не одну комичную ситуацию. Мы посмеялись от души, прежде чем переступили порог увесели-

тельного заведения.

Удобно расположившись за столиком, мы заказали жареные позы, водочку и какие-то салаты. Мы наслаждались едой, напитками, песнями и собственными танцами.

Подвыпив, я постреляла глазками. Обстрел привел к попаданию в одного молодого человека, который присоединился к нам на танцполе. У Женьки заиграла восточная кровь собственника, он ревновал, а я была в нирване. Я обворожительная и желанная. Он купил еще огненной воды. Состоялся новый виток безудержного веселья.

А потом кто-то резко выключил свет. Как будто рубильник опустили вниз.

Я разлепила веки: светло, вчерашняя комнатка, я в постели, но обнаженная, даже трусов нет. Не чувствую правую руку из-за тяжести кудрявой головы моего сексуального партнера, и в носу его волосы. Я отворачиваю лицо, чтобы избавиться от неприятного ощущения щекотки. Мой жизненный опыт втирает мне, мол, сегодня ты будешь умирать медленно и верно после предыдущего дня.

Внимательно прислушиваюсь к себе: пить не хочу, бошка не болит. Осматриваюсь. Женька тоже голый, но нашего шмотья нигде нет. Неужели мы пришли в чем мать родила, пытаюсь подавить приступы смеха. Рискаю встать, все работает без нареканий, но на коленках много мелких синяков: предполагаю, что до дома я добиралась ползком по колдобинам. Выхожу голожопая в холл. Благо, соседняя комната не

заселена.

У входа – ворох его и моей мокрой одежды. Настроение на 5+++ , солнечные лучи играют повсюду, а в окна заглядывают высоченные горы. Развесив наши вещи на всех возможных поверхностях, я опять завалилась спать и продрыхла еще часа два.

В районе 10 часов утра я проснулась и наконец натянула плавки. Приготовила нехитрый завтрак и разбудила Женьку:

– План на сегодня – горы. Идем на пик Любви. Кстати, у бурятов есть поверье: если пара сделает восхождение вместе, они навсегда останутся вместе, – вещаю я.

– Что ты там бормочешь, засранка? – жизнерадостно уточнил мой парень.

– Не дерзи старшим. Поднимай свой зад, надевай что-нибудь и иди завтракать.

Через несколько минут он появился в холле, из одежды – только нижнее белье:

– Наташ, что с моими коленями? – у него были сходные с моими синяки на коленях.

– Женя, я ни фига не помню. Надеюсь, мы не трахались на центральной улице этого маленького поселка раком, а мирно ползли домой из кафе, – смеялась я. – Завтракай и пошли искать тропу.

– Как вкусно наготовлено! – нахваливал он мои бутерброды.

Люблю, когда мужчина ест с аппетитом. Мой младший

сынулице также поглощает пищу. Если честно, к Женьке у меня были смешанные чувства: с одной стороны – сын, с другой – любовник. Шампунь и кондиционер в одном флаконе.

Закончив с едой и экипировавшись, мы выдвинулись к ущелью. Нам посчастливилось через несколько минут прибиться к команде, идущей на пик Любви.

Путь наверх был тяжелым и одновременно захватывающим. И чем выше мы поднимались, тем божественнее становились виды, и тем больше я уставала. Женька, как тибетская антилопа, стремительно двигался по тропе и шутил, что вызывало во мне прилив сил и энергии.

Игра стоила свеч. На самом верху нас ждал невероятно живописный пейзаж. Бирюзовое небо контрастировало с белыми облаками, в центре – яркий солнечный круг, а вокруг – верхушки гор в огромных снежных шапках. Вот оно – незабываемое ощущение гордой птицы: мои руки стали превращаться в крылья, и я их раскинула, готовясь совершить полет, но пока решила отложить, боясь, что трансформация не завершена.

Нам нужны были передышка и отдых, поэтому около часа мы с нашими новыми друзьями оставались на "Олимпе" и с судорожной быстротой шелкали фотографии. Времени для моего восстановления было не достаточно, спуск вниз прошел в режиме автопилота. Мои биологические механизмы устроили бунт. Думаю, их возмущение можно описать так:

– 44 года, бухает как лошадь, танцует, а потом трахается

всю ночь, а на следующий день по горам скачет. Конченная дура.

Кое-как я доползла до нашего уютного жилища, прямоком на кровать. Только полежав с четверть часа, я нашла в себе силы снять мокрую от пота одежду и принять душ, и опять вернулась в койку.

– Пельменей хочу, – заорала я. Женька смотрел телек в холле.

– Сварю. Подожди немного.

Аромат отварного мяса подкрался к носу. Какая же я голодная, осознала я. Через какое-то время до меня донеслось:

– Вставай, ленивая задница, тарелки на столе. Будем ужинать.

Какое наслаждение было поглощать традиционную сибирскую еду. Уставший организм как бы благодарил за поступающую энергию удовольствием и чувством сытости и комфорта.

А потом, по обычаю, секс, неспешный и чувственный. Подаривший мне не один великолепный оргазм. Про маму я не вспоминала, тревога за нее ушла на задний план. Мозг просто заблокировал на время все, что с ней связано. Она мне не звонила, значит, еще слаба и остается в постели. Сообщение дядьки подтверждало мои догадки: "Был у Людки, нянька при мне кормила ее курицей и бульоном. Она хорошо поела и уснула. Про тебя не спрашивала".

На следующий день после завтрака мы побежали погля-

деть на водопад на быстротечной реке Кынгарга, которая стекает с Саян по очень живописному распадку и дальше течет по Тункинской долине. Ее воды насыщают почву влагой, так необходимой для роста сочной травы на пастбищах. Тропа вела нас наверх, а вначале были целебные минеральные источники с уникальным составом воды, благодаря которому многие жители поселка доживали до глубокой старости. Это невероятно красивая и оздоровительная местность не имеет широкой популярности из-за отсутствия рекламы, поэтому не окультурено и сохранило первозданную красоту.

Благодаря подъему нам открывалось все больше непередаваемых красот Сибири-матушки. Полоска синего цвета как будто лезвием разрезала горную породу. На каждом миллиметре склонов идет борьба за жизнь: где есть хоть малейшая вероятность, вырастает растение.

Минут через сорок мы были у водопада.

В лучах солнца подтаявший ледопад переливался как гигантской величины бриллиант. Мы должны были это запечатлеть на память. Фотографировали друг друга на фоне этих прекрасных панорам или просто то, что вызвало восхищение. Природа как бы открывала в нас скрытые таланты.

Спускаться всегда легче, чем подниматься. Как птицы, мы летели вниз, отдохнувшие и переполненные счастьем. Разгоряченные, мы похлебали природной минералки, ополоснули ей же лицо, набрали бутылку для мамы.

Пришло время сказать этому великолепию “до свидания”,

выехать из апартаментов, на прощание покупаться в горячих источниках и возвращаться в Иркутск.

Перед отъездом съели все пельмени, немного прибрались в комнате, душевно поблагодарили хозяев за ненавязчивость и предоставленный комфорт, а также за возможность вырваться из нашего ада, приобрели готовые позы для мамы.

Запрыгнули в авто и снова в путь. Путешествия и открытия. Я смотрела на мир его глазами – глазами своего любовника, человека, увидевшего первый раз лепоту сибирской природы и испытывающего дичайший восторг. Его эмоции откликались в моем сердце. Люблю родной край.

Буквально через двадцать минут мы оказались перед зданием, за которым виднелись клубы пара. Как будто в огромной кастрюле кипела жидкость.

Мы прошли в холл, заплатили незначительную сумму и пошли в раздевалки, разделенные по половой принадлежности. Холод подгонял с переодеванием. Быстро скинув одежду, надев купальник и захватив полотенце, босиком по ледяному бетонному полу я двигалась к бассейну. Вот и он, размером приблизительно 10 на 10 метров. А в одном из углов из-под земли бил фонтан, это можно было определить только по характерным звукам, ведь видимость была нулевая.

Погружаюсь в теплую воду, а на ресницах – лед. Медленно, с наслаждением плыву в этом маленьком, приятном для тела пространстве. Из густого тумана начала проглядывать темная кудрявая Женькина голова.

– Иди сюда, засранка, я заждался, – боже, какой приятный баритон. Мы плескались как дети, брызгались и иногда целовались. Радоновые ванны полезны в ограниченный период времени, к сожалению. Нужно выходить, одеваться, программа отдыха подошла к концу. От одних этих мыслей я почувствовала усталость и решила продлить свое расслабление.

Но рано или поздно мы снова облачились и очутились рядом с машиной. Я попросила Женьку сесть за руль, сама расположилась рядом, на переднем сиденье, задрала ноги вверх, включила музыку и приготовилась восхищаться пейзажами за окном. И я восхищалась, но не анализировала. Иначе я бы заметила, что мой персональный водитель повернул в другую сторону на развилке, и мы в приличном темпе отдаляемся от Иркутска. А я написала маме, что мы уже в дороге и купили ей позы (я предполагала, что ей нельзя будет их есть, но хотела лишний раз показать, как сильно я к ней привязана).

Глава 15

Мы ехали, ехали и, наконец, приехали к шлагбауму, рядом с которым стояли два солдата с оружием и в бронежилетах. Я струхнула.

– Куда направляемся? – спросил один из них.

– Домой, – честно ответила я. – Пропускаем, – говорю я им.

– Документы, – спрашивает тот же солдатик.

Я-то с ксивой, а вот Женька – беглый нарушитель закона. Я вернулась к машине, вытащила ксиву, ткнула в нос служивым и начала качать права.

Они как-то поубавили уверенности.

– Одну минутку, я позвоню, – продолжал диалог тот же молодой человек в форме, затем достал телефон и до меня донеслось:

– Товарищ майор, здесь двое хотят проехать в приграничную зону на основании удостоверения сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Моя уверенность в собственных действиях улетучивалась со скоростью света.

– Какая граница?! Мы в Слюдянку направляемся, дорога-то одна, – выпалила я.

– Одна, но вы поехали не в ту сторону. Вы рядом с Монголией, а мы охраняем границу, – наконец раздался глас второго.

Меня обуял дикий внутренний ржач. Блин, мы двигались в противоположном направлении и чуть не свалили за кордон. Два дебила – это сила!

Мы попрощались с парнями и на всех парусах понеслись вспять. Стрелка наполненности бензобака стремительно приближалась к нулю, а заправиться было проблематично в этом далеком от цивилизации крае. Я поняла, мы не попадем к маме в больницу и позвонила ей.

Услышала ее слабый голосок:

– Да, доченька.

– Мамуль, мы не сможем быть у тебя этим вечером.

– Хорошо, – и повесила трубку.

Слава богу, она не расстроилась.

Меня уже не очаровывали виды скал и тайги, я думала, что буду делать, если бензин закончится. С кем можно связаться? Но мы дотянули до бензоколонки и уже почти ночью очутились возле дверей дома, уставшие, но счастливые. Позднее я поговорила с дядькой по телефону, он успокоил меня, сообщив, что сегодня был у мамы, отвез приготовленную его женой пищу, так что мне беспокоиться не о чем.

Я поделилась с ним рассказом о нашей поездке, в том числе о неудавшейся попытке прорваться в другую страну. Он поржал от души. Обожаю своего могучего полковника-родственника за его чувство юмора, такт, недюжий ум, обворожительный и заразительный смех.

Глава 16

Время стремительно летит, и порой не понимаешь, насколько был счастлив.

На следующий день мы доставили маме дары земли Бурятской и получили свою дозу критики:

– Привезти послеоперационной больной тяжелую пищу – это непостижимо!

– Угости девчонок по палате, – предложила я.

Она согласилась, я разогрела в микроволновке привезенные дары, и по комнате тонкой струйкой пополз запах сибирских поз. На всех шести кроватях, за исключением одной, заработали челюсти.

Она поправлялась поразительно быстро для своего возраста. В моменты моих посещений я регулярно находила психолога рядом с ней. Мой мозг не срабатывал из-за постоянного стресса и напряжения (соседи по дому дрались и били своих детей, мне приходилось их разнимать и успокаивать, потому что полиция после вызова приезжала в лучшем случае через час; начальник – ярый женоненавистник; надежного партнера рядом нет, возможности Женьки были очень ограничены его статусом беглого мигранта), и я не спросила совета, как мне строить с ней отношения с учетом ее нынешнего положения.

В момент написания этого произведения я неоднократно анализировала события прошлого. Только теперь до моего сознания начала доходить степень тяжести психологического состояния моей мамы. И я сняла с себя своё же обвинение по поводу незадаанных вопросов психологу в прошлом, это было не в моих силах – выше головы не прыгнешь. Если бы мой отец в тот момент был бы рядом, думаю, у меня был бы шанс вывезти ситуацию, с папой я чувствовала себя под защитой, что придавало мне силы. Женька – великолепный человек, с удивительно доброжелательным характером и неисчерпаемым жизнелюбием, и он отдаленно напоминал

характером моего бая, но он был не ОН.

Настал день забирать маму из больницы. Мне были приготовлены изысканные пытки. Я должна была обрабатывать ей послеоперационные швы. При виде разрезанной и грубо заштопанной плоти у меня подкашивались ноги, начинали дрожать руки, и пот катил градом. Медленно и верно подступала тошнота. И этому истязанию я подвергалась до окончательного заживления разреза. Она не осознавала моего внутреннего сопротивления и считала, что это месть за межличностные конфликты в подростковые годы. Я прилагала усилия ей растолковать, что она ошибается, а я испытываю ужас к самой процедуре, к тому же не постигаю смысла медицинских терминов, которыми она сыплет, пытаюсь корректировать мои действия.

В соответствии с планом ее лечащего врача, следующий этап – лучевая терапия. Какие испытания будут впереди, неизвестно. Изможденные нечеловеческой нагрузкой врачи малообщительны, я пыталась задавать вопросы, но не получала ответа.

У меня все оставалось по-прежнему. Служба, Женька, мама. Мне 44 года, я устала выживать, и у меня нет права показать, что моя энергия на исходе, иначе, как в концлагере – смерть, я стану некондиционным работником. Я предоставила в "Совкомбанк" всю запрашиваемую информацию для активации маминой страховки, всю эту макулатуру приняли и сказали ждать решения страховой компании. Я перестала

погашать ее задолженность по кредиту, и это мне аукнется в ближайшее время. Но не будем нарушать хронологию.

Через три недели мы снова были в приемнике онкологической больницы, но, по моим ощущениям – будто на вокзале в Москве в напряженный период летних отпусков: везде люди, вещи, ожидание.

Мы с ней оформили карту, и я опять повезла ее на кресле-каталке по коридорам клиники, только теперь уже в лучевое отделение. Она значительно похудела, но мой позвоночник не ощутил разности в ее весе и в конце пути отреагировал болью. Мы шли по каким-то давно не крашенным коридорам, как в лабиринте. Впереди привычным флагом двигалась санитарка. Я чувствовала себя героем плохо поставленного триллера и ожидала нападения из-за полузасохших комнатных растений. Я не догоняю, как можно рисковать психологическим здоровьем пациентов, находящимся и так в стрессовой ситуации. Почему они не могут умереть достойно, если нет шансов на выживание?! Ремонт, относительно нестарая мебель и оборудование были только в поликлинике. В лечебных блоках все пребывало как при царе Горохе. Депрессивный цвет стен, грязные потеки, отсутствие красок в холлах. Меня от депрессии спасало только общество Женьки. Он как будто впитал в себя солнечный свет и тепло своей родины и сейчас отдавал мне, и только мне. Но мгла и безнадежность этой страны иногда сильнее стараний одного доброго узбекского парня. Мне страшно представить,

что чувствовала в тот момент мама.

Диалог с доктором после размещения мамы на новом месте вкратце состоял из списка рекомендуемых ей продуктов. Курица, жирные сорта рыбы, мясо, короче – качественная белковая пища, нележалые фрукты и качественно приготовленные овощи.

Свежая мясная и рыбная продукция с большими материальными затратами были доступны. Но с фруктами в Сибири было сложно. Коррупцированные чиновники оставались слепы и глухи к действиям убогих, бездарных бизнесменов, которые продавали гниль за баснословные деньжищи в нашем медвежьем краю. Чувство собственной беспомощности сдавило горло. Я пообещала следовать рекомендациям и связалась со знакомыми в деревне. Разъяснила, что я от них хочу и что деньгами не обижу, если они выступят в качестве помощников или посредников.

С тех дней у меня стало складываться впечатление, что мир восстал против меня. Но то были только цветочки. Ягодки были впереди.

В общем, ее облучали, убивали раковые клетки, а с ними и живые. На протяжении двух недель ее организм подвергался мощному воздействию, убивающему все. У меня до сих пор были сомнения в правильности выбора тактики лечения, но после драки кулаками не машут.

После завершения курса облучения она снова вернулась домой, и я пребывала в полной уверенности, что мы все сде-

ляли для победы над раком. Как же я ошиблась! Ее изношенный организм начал резко сдавать после агрессивной терапии, обострился ряд других хронических болячек.

Глава 17

Порой мне казалось, что я становлюсь энциклопедией по болезням. Панкреатит – заболевание поджелудочной железы, которое не давало маме жить без боли, а это неизменно отражалось на мне. Каша не той температуры, ледяную грелку не туда положила. В результате она на скорой отправилась в другую лечебницу.

Правда, были и хорошие новости, нежданно-негаданно я стала обладателем несметных сокровищ – совершилась сделка по продаже недвижимости в Ангарске. Теперь надо было сохранить "богатства" в условиях нестабильной экономики и вседозволенности российской власти. Мои предки обогащались и теряли накопления в один миг: революция, дефолт и всякая другая фигня. Так как угроза физической смерти матери миновала, я решила уехать из Сибири навсегда и вела переговоры о приобретении квартиры на 23-м этаже в Санкт-Петербурге на стадии котлована, чтобы мать могла почувствовать себя горделивым и сильным орлом. Конечно, мне пришлось взять ипотеку и смотаться на пару деньков в город на Неве. А там жил мой бывший муж. Женька рвал и метал. Он ревновал меня к любому столбу. Меня это забавляло. Я клятвенно обещала ему хранить верность и не трахать-

ся с кем попало. Ревнивец остался на хозяйстве. Приготовить легкий куриный суп, приобрести другие необходимые продукты и отвезти матери не составляло для него большого труда.

Мама перед моим отлетом была в состоянии крайней тревоги: обманут, пропадут все накопления, я брошу и тому подобное. Я ее убеждала, уговаривала и объясняла, что Питер – замечательный город, что она будет жить на высоте полета птицы или в пансионате, где, быть может, найдет друзей, а мы будем ее забирать на выходные. Она меня не слышала, и все.

В Санкт-Петербурге все прошло на удивление быстро и гладко. Исключая время перелета, я потратила всего три дня на разрешение всех проблем и подписание договора.

Когда я вернулась в Иркутск, ликовали два родных для меня существа. Моя мамуля и мой Женька. Через трое суток после моего прилета маму выписали, и она оказалась дома. К несчастью, через неделю у нее начались боли в районе поясницы, и она опять загрелась на больничную койку.

Глава 18

Скорбный антураж лечебниц, передачи, страх, муки, страдания. Она то была как малышка, цепляющаяся за мою юбку, то как мегера. Я никогда не знала, что меня ожидает. Разговаривая с ее нынешним врачом, приятной девушкой, я попросила пригласить на консультации психиатра.

– Простите, это невозможно, – она как-то по-детски оправдывалась. – У нас в штате нет даже психолога, а для приходящего специалиста требуется преодолеть гигантский бюрократический барьер. После окончания курса терапии у нас вам следует обратиться в психоневрологический диспансер. К сожалению, только так, – она посмотрела на меня глазами испуганного щенка (мол, не бейте меня). Какой ответ я могла дать?

– Хорошо.

Положа руку на сердце, я отдыхала, когда мама находилась в медицинском учреждении, как бы кощунственно это ни звучало. Вне стен лечебниц у нее были панические атаки и обострялись все заболевания сразу.

После стандартных 14 дней лечения и выписки ничего не изменилось. Буквально через несколько дней возобновилась боль в спине, всё лечение и блокады не имели успеха. Мое непонимание мама прокомментировала примерно так: я не осознаю степень разрушения ее костей, поджелудочная плохо работает, потому что еда не свежая и грелка не достаточно холодная. Я такая же, как и мой батя, хочу только наживаться, обокрала ее и продала квартиру, прибылью завладела.

Этот период ознаменовался также "нападением" на нас коллекторов "Совкомбанка". Я перестала вносить ежемесячные платежи, а страховая компания еще не погасила ее задолженность перед банком. С проблемой непрерывных и назойливых звонков в адрес матери я справилась легко, про-

сто сменив номер, и направила новый всем маминым контактам по списку. Я же отвечала сотрудникам коллекторского агентства вежливо, но настойчиво, что моя мама больна раком, просьба ее не беспокоить, страховщики информированы, как только примут положительное решение, сразу же перекинут необходимую сумму в банк.

Я взяла под контроль все ее финансы. Смс-ки о движении денег на ее карте приходили на мой мобильник. Я вас уверяю, я не присвоила ни копейки. Вся ее маленькая пенсия шла на обновки, халаты, тапочки, трусики, бижутерию (она была как сорока, обожала блестяшки и радовалась, как малыш, каждой), верхнюю одежду, обувь.

Через две недели я получила странное сообщение о списании всех ее сбережений (для успокоения я переслала 100 тысяч на ее счет после продажи недвижимости, которые были материальным буфером для матери). Я тут же позвонила в "Сбербанк" и уточнила, на основании чего произведена последняя операция. Мне ответили:

– Арест счета судебными приставами. Могу вам зачитать контактные данные, указанные в исполнительном листе.

– Диктуйте, – мгновенно отреагировала я.

Получив контакты, я тут же перезвонила. На мои многочисленные вопросы уставший женский голос ответил:

– Арест наложен в связи с судебным решением, ваша мама не выполняет кредитные обязательства. "Совкомбанк" подал на нее в суд и выиграл. Мы всего лишь исполнители.

– Это всё, что у нее есть, на что прикажете жить и приобретать лекарства, она раковая! – злость от собственного бесправия практически парализовала меня.

– Приезжайте, привозите подтверждения ваших слов, и мы вернем все деньги, а потом будем списывать пятьдесят процентов от пенсионных поступлений. На ее имейл будет направлен перечень требуемых бумаг. Всего доброго.

После приступа ярости, который мне удалось подавить с величайшим трудом, наступил момент расслабления. Когда все пофиг. На имейл со списком я уже не отреагировала, моя соображалка после эмоционального всплеска отказывалась включаться.

Медленно присев на бордюр, я пыталась составить план действий.

Заехать в сбер, затем в пенсионный отдел в Ангарске – чтобы подтвердить получение пособия по старости на карточку, посетить офис приставов... Боже, сколько суеты!..

Теперь и мое тело последовало примеру моей тыквы, я почувствовала смертельную усталость. Я поехала домой и как только переступила порог, тут же на меня посыпались вопросы, что произошло и почему на мне лица нет.

Она на уровне интуиции чувствовала ситуацию, и ее выводы на 90 из 100 были верны.

– Заболела, – соврала я. – Живот крутит, ма, не беспокойся.

Заболела – синоним моей физической кончины сию ми-

нугу.

Больная, немощная, она пошла на кухню готовить мне суп с рисом и курицей. Наше семейное диетическое блюдо в случае проблем с пищеварением.

Когда я набираю этот текст, я реву, как дура, тогда – ни слезинки, как камень. Наше государство обрекло ее на голодную смерть, человека, отдавшего всю свою жизнь детям-сиротам. Без моей денежной поддержки она бы не выжила. Получается, что моя мама непрерывно трудившаяся, не имевшая возможности уделять время моему воспитанию, получавшая жалкие крохи на свое существование, как старый рабочий скот приговорена к мучительной смерти от многочисленных болезней. Мне так обидно было за нее.

Но все тайное становится явным. Мой племянник обратился к ней с просьбой занять немного наличных, и она, естественно, согласилась. Она его боготворила, так как вырастила этого большеглазого атлетического телосложения красавчика.

По моему возвращению с работы она взхлеб пересказывала подробности разговора, что завтра Аркаша приедет к нам в гости. Она так была счастлива перспективе увидеть этого своего внука, может, в последний раз!

Мне пришлось ей рассказать всю правду, у нее случилась истерика, результатом которой стали скорая и больница, но уже рядышком с домом.

Огромная солнечная палата на 10 коек, очередной эску-

лап. В первый день на меня вылился словесный поток недовольства. В этот раз причиной стал матрас. С ее позвоночником она не может на нем спать. Было сделано категорическое заявление. Медперсонал был построен по струнке и разбежался в разные стороны в поисках решения проблемы. Найден деревянный щит, который тут же был водружен на ее спальное место. Я понимала, что деревяшка не спасет мой мозг в случае ее дискомфорта, и полетела покупать надувной ортопедический матрас.

Даже с новоприобретением результат вышел получился плачевный. И причина, как всегда, в моей тупости – она умела выставлять оценки. Она не могла меня исправить, потому что наследственность у меня хреновая, похожа на папочку. Живу для себя, думаю только о себе, жестокая и эгоистичная особа. Против ее оскорблений у меня была выстроена внутренняя психологическая защита, но иногда ей удавалось достучаться до меня, и ее "оценочные суждения" вызывали у меня огромный протест. Я 44-летняя женщина, воспитавшая двоих детей, дослужилась до майорских погон, а меня все тыквой в унитаз макают. Я чувствовала себя нашкодившим ребенком, стоящим посреди залитого солнцем помещения с опущенной головой. А на меня смотрели чужие люди, кто с улыбкой, кто с осуждением.

Я начала закипать, ведь я очень любила своего отца, он был и остается для меня лучшим мужчиной на свете. Мне приходилось постоянно держать под контролем свои эмо-

ции, чтобы не сорваться на нее. Колоссальная нагрузка на нервную систему.

Я ей сказала, чтобы она не волновалась, я куплю ей новый матрас.

Два дня мы с Женькой искали в магазинах по заданным ей параметрам злосчастный матрас, а потом я психанула и купила поролон нужного размера.

Была сооружена следующая конструкция: деревянный щит, местная подстилка, затем покупная, а сверху кусок поролона. Принцесса на горошине позавидовала бы такому комфорту!

Глава 19

Отпущенные Минздравом стандартные две недели пролетели мимолетно. Маму отпустили домой. Пока она находилась в стационаре, я неоднократно посетила судебных приставов в Ангарске, привозя им бумажку за бумажкой. В итоге арест со счета был снят, сто тысяч вернули, а также страховщики все-таки погасили ее кредитную задолженность. Это позитивные новости.

Но мамин организм функционировал на пределе, и через пару дней ей стало хуже. Не знаю, с чем это было связано: страх за свое здоровье, грамотное сочетание лекарств, о котором мне не было известно, несмотря на то, что я четко действовала в соответствии с инструкциями докторов, одиночество...

Мне иногда становится стыдно, что мы с Женькой порой разрешали себе повеселиться, ночевали на берегу озера или реки. Готовили там шашлыки или плов на костре, но у нас не было возможности брать ее с собой: в России для инвалидов-колясочников ничего не оборудовано. Я очень жалею, что проводила мало времени в ее обществе. В свое оправдание скажу только одно – почти каждый диалог был для меня огромным испытанием. А созданная вокруг нее атмосфера вела к неизбежной депрессии: бесконечные скорые, пытающиеся избавиться от пациента, на которого с их точки зрения не стоит тратить время и силы, конец близко. Наши с ней тщетные попытки достучаться до каменных сердец лекарей. Их уверения, что боль в поджелудочной железе – это нормально. Холод и голод. И все пройдет. И еще, мне "нравился" вариант типа "у нее психические проблемы, а не наши". Психика не лечится медикаментозно что ли? Что мне-то прикажете делать!?

Пятая или шестая бригада врачей доставила-таки мать до лечебного учреждения, вняв нашим мольбам. И ее тут же поместили в реанимацию. Все происходило стремительно, и я иногда не успевала проанализировать, что произошло. Когда я очутилась в машине, то попыталась собрать мысли в кучу. Ни фиги. В течение нескольких часов меня убеждали, что боли терпимые, что показаний к госпитализации нет. А буквально за полчаса ее самочувствие ухудшилось до необходимости использовать реанимационные процедуры, хотя я

не видела изменений.

"Мне нужен СЕКС", – пронеслось в голове. Где мой великолепный, любвеобильный Аполлон с востока? Только он сможет мне помочь. Повернула ключ в замке зажигания и погнала удовлетворять свои низменные потребности...

Три дня мама находилась в палате интенсивной терапии, а потом ее неожиданно выписали. Мои шаблоны рвали каждый миг. И ее тоже. На протяжении следующего дня ее состояние было стабильное, но еще через день ей опять стало плохо. Бог тогда отвернулся от меня. Я опять превратилась в самого безнравственного в мире человека для нее, обворовавшего родную мать, способного только трахаться с молодым любовником, развлекаться и отдыхать, ведущего ничемную праздную жизнь. Если вы читаете эти строки, значит, вам все-таки было интересно. И мы приблизились к развязке.

Глава 20

На следующий день я проснулась с ощущением съехавшей напрочь крыши. Моим внутренним силам пришел конец. Пусть с ней разбирается психиатр. У меня нет требуемых знаний. И в обеденный перерыв я рванула в психоневрологический диспансер.

Заветное окошко регистратуры, тетка с безразличным лицом и голосом:

– Что вы хотите? – без приветствия спросила она.

– Здравсте, – я стала взахлеб и в красках расписывать, что происходит с мамой. . .

Она прервала меня на полуслове:

– Приводите.

– Она не хочет идти, – парировала я. Это было правдой. Я неоднократно пыталась с ней обсудить необходимость психологической помощи, но этот вариант ей не рассматривался по причине того, что мое наиглавнейшее желание было превратить ее в овощ (обращаю внимание, что на протяжении всего повествования я смягчала все ее высказывания), и, кроме того, ее физическое состояние не располагало к перемещениям.

– Привозите направление от терапевта, – безэмоционально заявила она. Меня потихоньку начало потрясывать. Отсутствие хоть какого-то намека на сопереживание вызывало у меня внутреннее неприятие. Она у меня ассоциировалась с зомби.

– Документ должен быть правильно составлен и подписан всеми должностными лицами, тогда врач проконсультирует вашего родственника на дому.

Она отвернула свое равнодушное лицо, давая понять что аудиенция закончена.

– Следующий, – вместо прощания услышала я.

После службы я направилась в поликлинику, чтобы записаться на прием.

Я получила талончик на пятницу в 17.00. Благо, был уко-

роченный день. В назначенное время я сидела напротив дверей терапевта. Запись по времени не работала, было много желающих переступить порог врачебного кабинета, образовалась живая очередь недовольных, нездоровых, пожилых людей. Мне ничего не оставалось, как согласиться с очередностью и занять место, иначе я рисковала быть разорванной на куски. Час, а может, больше ушел впустую, так как мне навязали ожидание.

В кабинете меня ждал захватывающий диалог с доктором о том, как ей трудно жить. Мизерная получка, много пациентов, в основном неблагодарных, огромная загруженность бумажной работой. К сожалению, ее тирада не вызвала у меня никакой реакции. У меня и своих проблем хоть отбавляй. Я кивала в такт ее словам, как в танце, где-то поддакивала, где-то дежурно сочувствовала. Мне жизненно нужна была бумажка, а по опыту я знала, пока она не выговорится, бесполезно что-либо просить. Наконец, ее словесный фонтан иссяк, и я смогла приступить к изложению сути визита. В нескольких фразах я передала разговор с зомби из психушки. Меня заверили, что нет проблем. Завтра я получу бумажек, оформленную с учетом всех бюрократических требований.

Я также попросила выписать рецепт для обезболивающих лекарств, так как их не было в свободной продаже.

– Давай выпишу бесплатный, она раковая.

По моему лицу прошел нервный тик! Представляете, уже

несколько месяцев я трачу практически всю зарплату на бесчисленные микстуры, пилюли, инъекции, а они, оказывается, могли ничего не стоить для меня.

– Ой, подожди, я посмотрю в перечне медицинских препаратов для онкобольных. Ага, это входит.

Чтобы не закатить безобразную сцену, я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Да, действительно, кто такая моя мать? Сумасшедшая полуживая старуха, недостойная адекватного лечения.

Если я сейчас выскажу все, что я думаю об этой ситуации и профессионализме этого горе-лекаря, ничего хорошего не выйдет, в заложниках у системы – мой любимый и беспомощный человек. Все мои силы были брошены на подавление эмоций и попытку удержать себя в руках.

Одновременно с заполнением бланков она несла очередную чушь. Мне приходилось расшифровывать ее тексты неандертальца. А ведь передо мной был представитель одной из самых сложных, требующих высокой квалификации профессий.

Улыбнувшись своей фирменной кривой улыбкой, я осведомилась, когда можно забрать документы.

– Послезавтра, – получила я ответ.

Она потеряла ко мне интерес. Я отработала роль общественного эмоционального клозета. Она слила своей негатив, пользуясь своим положением и не задумываясь о моем душевном равновесии.

Я попрощалась и поехала домой. К Женьке и маме.

Через два дня, традиционно сбежав пораньше с работы, я забрала у этого горе-терапевта необходимые документы.

И опять предстала перед этой безэмоциональной рожей в регистратуре психдиспансера после длительного ожидания в душном, непроветриваемом, заполненном людьми помещении.

Зомби без приветствия молча взяла направление, пошевелила губами, читая, и резюмировала:

– Здесь не хватает слова "на дому".

– Чего не хватает? – пытаюсь понять я.

– После фразы "требуется консультация врача-психиатра" должно следовать "на дому".

Я уже не могла справиться со своим негодованием, гнев и ярость как будто миксером перемешали мои мысли и блокировали волю.

– Давайте я допишу, – прошипела я, бросив все эмоциональные силы на борьбу с желанием закатить безобразную истерику.

– Вы не можете, – не прекращало вещать невозмутимо равнодушное лицо. – Вам нужно вернуться назад к терапевту, чтобы она внесла изменения и заверила их печатью.

Аудиенция опять была закончена. Из окошечка вытолкнули мою бумажку и, не прощаясь, опять выдали стандартное:

– Следующий.

Я поехала обратно в поликлинику, причем на скорость пе-

редвижения моего автомобиля я не обращала внимания. Я обязана верить в себя, чтобы быть сильным человеком и бороться за жизнь матери.

Горе-лекаря я поймала в коридоре. Она куда-то бежала, что-то бормоча себе под нос.

После моего контролируемого возмущения она закудала:

– Ой, ой, забыла. Исправим.

– Когда я смогу получить направление? – спросила я.

– Сегодня пятница, в понедельник в часы моего приема и без какого-либо ожидания.

Она схватила злосчастное направление и продолжала двигаться и существовать только на своей волне.

Посмотрев ей вслед, я подумала: "Легко сказать – без очереди". Мое воображение нарисовало мне картину, как эти старые и полуживые пенсионеры рвут мою плоть зубами за нарушение заведенного ими порядка, ведь они тоже хотят жить.

И зачем-то произнесла в пустоту:

– До встречи.

Глава 21

Это последняя глава в моей летописи. Я еще раз хочу подчеркнуть любимому читателю, что это произведение основано только на реальных событиях. Конечно, я немного приукрасила происходящее, потому что пережить опять то, что

было на самом деле – прямой путь в сумасшедший дом.

В ту пятницу вечером мама закатила истерику. Что послужило поводом – не сохранилось в моей памяти. То ли фраза, сказанная невпопад, то ли не с той интонацией. . . Короче, мы с Женькой сидели в нашей спальне и не отсвечивали. Мой милый узбек принес нам ужин короткими перебежками. Это была война, а мы с ним находились в окопах. Каким образом мама вырабатывала энергию, из каких ресурсов – для меня остается загадкой. Мы так тихонечко и уснули, боясь издать какой-либо звук.

На следующий день ее отпустило, и она захотела деревенского творога со сметаной. Мы как нашкодившие щенки рванули на центральный рынок.

Суббота, центр города. Кругом тачки. Мы запихали мою машинёшку в микроскопический зазор и не увидели знак о запрете парковки. Уже минут через десять мы вернулись с приобретенной молочкой, но автомобиля нигде не было. Меня прорвало. Я выла, тонко и негромко – чтобы не пугать людей. Слава богу, у нас остались мобильники, я связалась с полицией:

- Майор Лозова, – представилась я.
- Что случилось, – услышала я стандартный вопрос.
- У меня украли машину.
- Где?
- Рядом с Шанхай-сити.
- Номер авто?

Я продиктовала.

– Успокойтесь, – продолжал вещать голос на другом конце провода. – Ваша машина отправлена на спецстоянку. Что же вы паркуетесь в неполюженном месте, товарищ майор? – воспитывал меня полицейский.

Я оставила его тираду без внимания и попросила назвать адрес штрафстоянки, который я повторяла вслух, чтобы Женька тоже запоминал, где это. Тут же мы заказали такси и направились за моим транспортным средством.

Весь этот неожиданный напруг вывел из моего поля зрения маму. Она ни разу не позвонила мне. Это было очень странно, но я не обратила на это внимания. Всю дорогу я напряженно молчала, потому что не знала, хватит ли мне денег, чтобы оплатить все штрафы.

Такси затормозило перед маленькой будкой в начале огороженной территории стоянки. Мы рассчитались. Опять окошечко, усатая морда в фуражке и в капитанских погонах. Как я устала общаться немного нагнувшись, как бы прося милостыню. Правда, здесь я ощущала себя более уверенной. Сунув ксиву в окошко, я спросила, есть ли у них информация о местонахождении моей малюсенькой машинки.

– Только что привезли, – получила в ответ я. – Что же вы, товарищ майор, нарушаете? – Где-то пластинку заело, поймала я себя на мысли.

– Капитан, не начинай, – резко прервала его я, – мне к больной матери срочно надо.

– Придется внести плату за работу эвакуатора, штрафовать не буду.

Я достала все оставшиеся деньги из кошелька и протянула их капитану. Получив доступ к собственному транспорту, мы с Женькой на всех парах полетели домой. Неосознаваемая тревога заставляла действовать без промедлений: именно так, видимо, где-то внутри меня шел неуправляемый подсознательный процесс анализа отсутствия звонков от мамы. Оно насторожило меня, но так как мозг был занят разбором сложившейся ситуации, интуиция была подавлена. Возвращалась я домой с максимальной скоростью, которую позволяло движение, скоростные ограничения и качество дорог. Бросив автомобиль под окном, я вбежала в квартиру.

Мама как будто очень крепко спала, но не на животе, как в большинстве случаев, а на спине, голова ее была повернута вправо, а по щеке стекала струйка слюны. На прикроватной тумбочке лежала записка: "Ухожу из жизни добровольно, виноваты во всем врачи", а на ковре были раскиданы таблетки.

Я облокотилась о стену и медленно поползла вниз, пока мой зад не почувствовал твердую поверхность. Я не могла даже плакать, полнейший ступор. Женька немного задержался и вошел позднее, и именно он начал ориентироваться в реальности и выступил инициатором дальнейших действий. Я была как в бреду.

– Наташ, Наташа, вызывай медиков, быстро, где телефон, доставай из кармана...

Я набрала 03, что несла – не помню, на этот раз бригада докторов не заставила себя ждать, они задавали вопросы, я что-то отвечала.

Маму быстро погрузили в неотложку, которая сразу же приступила к транспортировке пациента в тяжелом состоянии, а мы с Женькой поехали за ними на моей бибике. Как только мы все переступили порог лечебного учреждения, каталку с мамой после нескольких вопросов поместили в лифт, нас информировали, что ее разместят в палате интенсивной терапии и вежливо попрощались.

После таких событий я была невменяема, и мой верный партнер потащил меня в боулинг. Мы пили пиво, катали шары, пока не надрались в хлам. Пьяные в говно мы пешком плелись в надежде, что завтра, после сна, вернемся в тот же мир, где все мы вместе. Женька по пути следования тужилась завязать конфликт с каким-то парнем своей национальности, но я прекратила начинающиеся военные действия.

Послесловие

Мама скончалась через месяц в больнице. Она один раз пришла в сознание, и мы смогли посмотреть в глаза друг другу. Она пыталась что-то сказать, но дыхательная трубка мешала ей.

О ее кончине мне даже не сообщили. О произошедшем я узнала на следующий день во время телефонного разговора. Я связалась с работниками реанимационного отделения,

чтобы уточнить, какие лекарства или средства ухода я должна привезти вечером. Мне ответили, что Ефимова Людмила Михайловна умерла сегодня.

На ее кладбищенском памятнике указана неправильная дата ее смерти.

Женька оформил документы с моей помощью и покинул страну. На сегодняшний день он, здоровый и счастливый, живет и работает у себя на родине. Мы с ним часто созваниваемся. Он с каждым разом становится все красивее и красивее – брутальный мужик (мой размерчик), исчезает мальчишеская худоба, тело наливается мышечной массой. Лакомый кусочек, но по ряду причин у нас с ним платонические отношения. Что будет в будущем – я не знаю.

Мама иногда снится мне. Временами я подскакиваю в холодном поту. Ее комната, кровать, она после самоубийства, даже струйка та же, и по моим ладоням стекает кровь. Я перевожу взгляд с ее кровати на свои кровавые руки и какой-то голос сверху провозглашает: "Это ты убила ее!" А я кричу: "Нет, это неправда, я все сделала, что было в моих силах, чтобы она жила!"

Иногда мама приходит ко мне как ангел с облаков, молодая, обворожительная и веселая. Она мне улыбается и произносит: "Какое счастье не чувствовать больше страх и боль. Наташа, я свободна. Спасибо, что позволила уйти из ада".

Книга написана по рекомендации младшего сына. Люблю

тебя, мой мальчик. Спасибо художнику Янтуриной Альмире Рашидовне.